

Гапоненко Алексей

Кровь Достойных

Annotation

Старсия – мир прекрасных долин и глубоких озёр. Великих союзов и страшных предательств. Мир, познавший Скверну. Жуткое, ползучее проклятие, искажающее саму жизнь. Издревле передаются здесь легенды и сказания о людях, прикоснувшихся к извечной тайне и ставших подобны Богам. А где-то среди тайных троп и заброшенных деревень Старсии, проходит путь Веруса – охотника за камнями Скверны. В его венах течёт проклятая Богами кровь, ставшая причиной столь многих войн, раздоров и смертей. Кровь Достойных.

Алексей Гапоненко

Кровь Достойных

Глава 1 – Ещё один день в Старсии

Клыки с клацаньем щёлкнули у самого уха. Инстинкт толкал человека отмахнуться от угрозы, отступить в бок – прямо в пасть непременно поджидающего в засаде зверя. Он прекрасно понимал это, но идти против собственных чувств так сложно.

Утробный рык, донёсся слева, подтверждая догадку и давая шанс. Отринув инстинкт Верус спешно оттолкнулся ногой и бросил тело наискосок от выдавшего присутствие волка, до этого скрывавшегося в тенях. Полу-кувырок, полу-падение завершилось в пожухлой траве. Спинай ощутив крупные ветки и корни, незадачливый путник напряг мышцы и выполнил ещё один толчок, окончательно уходя с линии атаки. В левой руке блеснуло лезвие клинка.

Двуххвостый волк – красивое, но смертоносное животное, легко изменил направление и кинулся прямо на прыткого человека. Пусть тот не попал в ловушку, но добыча есть добыча и никак иначе. Разинув пасть, зверь приготовился вцепиться в горло и повалить её на землю. Но вместо этого что-то холодное и острое встретило его на излёте прыжка.

Пронзительный визг мгновенно разнёсся среди рыжих стволов и переплетенья корней. С веток взвились птицы, устремляясь в темнеющее небо, солнце почти зашло, и на лес опускался сумрак. Ещё один день заканчивался, и Старсия (1) погружалась в ночь.

Перехватив тушу второй рукой, мужчина резко обернулся и впечатал раненого зверя в ближайшее дерево. Что-то громко хрустнуло, и клыкастый дёрнулся в крепких объятиях. Нужно добить его, пока оглушён. Клинок выскользнул из раны, поднятый для нового удара, но враги оказались проворнее.

Третий волк бросился на него, неожиданно выскочив из-за дерева. Видимо, во время короткой схватки, обошёл по кругу, зайдя со спины. Если бы не своевременный кувырок, Верус оказался бы окружён. Умный Верус, обхитрил парочку волков. Теперь все девки твои! Но даже так, всё пошло не слишком-то хорошо. Вместо смертельного удара, мужчине пришлось спешно уклоняться от очередной атаки.

Резкая боль пронзила руку чуть выше предплечья, зубы зверя не смогли прокусить кожаный наруч. Однако силы челюстей хищника хватило, чтобы сдавить мышцы так, что посыпались искры из глаз. Потеряв равновесие, боец сделал неверный шаг вправо, утягиваемый разъяренной тварью, рвущей наруч, как дворовые псы пойманного кошки. Где-то слева остался ещё один противник, а вот времени думать о нём – нет. Поудобней перехватив кинжал, человек вонзил его в шею врага.

Брызнула кровь, челюсти сжались сильнее, плотная кожа наруча, не выдержала и зубы впились в плоть. Первые капли крови Веруса показались из ран. В мозгу что-то щёлкнуло, глубокий всепоглощающий инстинкт разгорелся внутри. Капли крови оторвались от наруча и застыли у морды волка, покачиваясь, словно в невесомости. Нервная дрожь прошла по всему телу путника. Внутренний демон рвал и метал: «Его ранили! Его кровь! Его драгоценная кровь, проклятие и дар Богов, покинула тело!»

Чудовищным усилием воли человек подавил припадок. Он прекрасно знал, что три вшивых пса – неподходящие противники для использования дара, настоящий враг впереди, нельзя бездарно тратить силы. Это знание прочно вдолбили в него ещё в детстве проклятые всеми Сущностями и Богами проповедники Оракула. Плётки, цепи и голодные ночи в холодном карцере – лучшие учителя на свете.

Застонав от боли, Верус выдернул клинок и что было сил нанёс удар. А потом ещё и

ещё. Он бил зверя в район шеи, иногда попадая в грудь, пока тот не ослабел на столько, что удалось выдернуть раненую руку. Бусинки крови последовали за ней, будто привязанные невидимой нитью.

– Тварь! – прорычал мужчина не хуже волка, но в тот самый момент ему на спину упал ещё один пудовый монстр. Он совсем забыл о первом двуххвостом! – «Какой идиот! Знал же, что он там!»

Жаль, но проскользнувшие в голове ругательства не помогли. Зверь попытался вцепиться в шею, но зубы лишь проскребли по чему-то твёрдому и неподатливому, скрытому под накидкой. Рука человека ловко выскользнула из-за плеча и схватила жёсткую шерсть. Не успел волк понять, почему не удалось укусить жертву, как его стащили со спины и отшвырнули прямо в дерево. Тяжело налетев на ствол, зверь тонко взвыл, однако упав на землю, мгновенно подскочил на все четыре лапы.

Разинутая пасть исторгла грозный рык, с зубов капала слюна, хвосты встали колом, распушившись, среди волосков потрескивали искры, но нападать он не спешил. Справа в листьях барахтался вожак стаи, кровь толчками вырывалась из его шеи, окрашивая сизую шерсть в тёмно-коричневый. Скулёж медленно переходил в хриплые завывания. Чуть в стороне от схватки, среди корней полз ещё один раненый собрат. С трудом волоча за собой задние ноги, двуххвостый волк пытался скрыться от неожиданно грозного противника.

Человек медленно завёл руку за пазуху, чтобы вытащить новое оружие – на этот раз узкий топорик. Лезвие его было столь мало, что отлично подошло бы для сражения с легко одоспешенным рыцарем, но никак не с волком. Но Верус не переживал на этот счёт. Кинжал, выброшенный, чтобы стащить с себя мохнатого гада, остался где-то среди травы и корней, и в наступивших сумерках искать его попросту глупо. Да, и какая разница, чем прикончить скулящее существо.

Внимательно приглядывая за оставшимся на ногах зверем, воин плавно перенёс вес на левую ногу и сделал шаг. За ним ещё один и оказался прямо над раненым, умирающим вожаком. По нему сразу было видно: чуть крупнее, выразительный нарост на лбу. Ещё пару сезонов и двуххвостый волк обернулся бы алэнео (2) и вот тогда Верусу пришлось бы несладко. Но сейчас это было всего на всего страдающее животное, а мужчина не считал себя извергом.

Топор с глухим чавканьем вошёл в череп, вожак содрогнулся и затих. Наблюдающий за ним волк встретился взглядом с человеком. Долгое мгновение двое смотрели друг на друга. Хвосты опали, искры исчезли, зверь нерешительно отступил. Сначала на один неуверенный шаг, затем на второй, а после обернулся и помчался во весь дух. Вскоре его след затерялся среди ветвей.

Проводив умное животное усталым взглядом, Верус разрешил себе выдохнуть. Сбоку послышался шорох, обернувшись на него, мужчина лишь кивнул самому себе. Осталось ещё одно страдающее существо. Двуххвостый волк с перебитым позвоночником, тяжело дышал. Тёмный влажный след, различимый даже в полутьме, тянулся за ним от самого дерева. Он потерял слишком много крови, глаза затуманились, мускулы больше не слушались команд, оставив его на милость победителя.

– Неудачная охота, друг, – присел возле него Верус. В ответ послышался сдавленный рык, вот только в нём больше не слышалась угроза, лишь бездна страдания. – Ну-у... будет тебе. Не переживай, я не оставлю тебя одного. Никто не должен умирать в одиночестве, верно?

Топор вонзился в висок. Солнце окончательно зашло.

В ночи горел костёр, редкие искры, возникающие в пламени, уносились ветром, растворяясь среди ветвей и тёмных нависающих листьев. Оранжевые языки пламени лизали два крупных окровавленных куска мяса, нанизанных на тонкую вымоченную ветку. Вокруг витал аппетитный аромат.

Верус сидел у самого пламени, весна развернулась в полную силу, но ночи всё ещё оставались прохладными. Тепло костра дарило приятное чувство комфорта, к сожалению, также привлекая множество насекомых, проснувшихся после зимней спячки. Вот только выбора у воина не было, при свете куда удобнее обрабатывать рану, да, и ужин никто не отменял.

Сняв наруч и осмотрев укус, человек убедился, что зубы волка лишь слегка навредили ему, повредив кожу. Шесть неглубоких ранок опоясывали предплечье, кровь запеклась, но края всё ещё влажноваты. Раскрыв поясную сумку из овечьей шкуры, он достал чистую ткань и миниатюрную баночку. Аккуратно выдернув пробку, окунул в горлышко палец, выудив крупный комок желтовато-бурой пасты и ловкими, привычными движениями наложил снадобье прямо в ранки, не забыв смазать края. Начало щипать, но такие пустяки давно не задевали его. Обычное дело, коли занялся охотой за Нигматическими камнями (3).

Не обращая внимания на раздражение кожи, мужчина бинтовал руку: слой за слоем ткань покрывала предплечье, пока не скрыла его полностью. Нагнувшись и разорвав края повязки зубами, завязал простенький узел. Работать одной рукой не слишком удобно, но и это не беда. Закончив нехитрую перевязку, Верус вернул наруч на место. Затянул два ремешка из кожи зуруков (4), убедившись, что всё сидит как надо. Глупо было бы попасть в смертельно опасную ситуацию из-за слетевшего во время боя наруча.

Закончив с важным, мужчина склонился над костром и потыкал мясо кинжалом. Как раз поджарилось до румяной корочки, пора есть, а там и передохнуть до рассвета не грех.

Солнце плавно показалось из-за горизонта. Верхушки деревьев вспыхнули утренним румянцем, запели птицы, оживилось зверьё, и лес наполнился рассветными шорохами и вознёй. Жизнь бурлила под каждым камнем, за любым кустом или деревом. Новый день звал за собой, но далеко-далеко – в самой глубине леса, среди сумбурного гомона и частогокола стволов крался человек. Двигался ловко, привычно, с первого взгляда становится ясно – не впервые в лесу. Внимательно поглядывая под ноги и избегая сломанных веток или сухих корней, он быстро пробирался сквозь лесную чащу.

Жизнерадостный шум леса едва ли достигал его так далеко от опушки. Мужчина заходил всё глубже и глубже. Деревья здесь росли плотней, их ветви чаще переплетались, заставляя либо обходить заросли, либо продирается насквозь, ломая ветви и создавая так много шума, что Верус скорее отрубил бы себе палец. Приходилось петлять вокруг особо густых чащ. Света тоже становилось меньше, солнцу не удавалось пробиться через пышные кроны. Редкие лучи, пронизывающие листву, придавали окружению странную атмосферу, будто бы время остановило свой ход. Лес таил опасность, птицы больше не пели, животные исчезли, словно обходя место стороной. Невесть откуда навалилась усталость, а потом он нашёл первое тело.

Молодой олень, вспоротый от шеи до задних ног. Из корявой раны свисают обрывки внутренностей и костей. Края обглоданы, но недостаточно для дикого хищника. Тело

скручено, передние лапы вывернуты под неестественным углом и прибиты к стволу, заострёнными обломками рёбер и других узких костей. По сути, вся туша висит между близко растущими деревьями, создавая подобие жуткой арки. Кровь и неопределимые остатки пиршества прочертили заметную на подлеске полосу. Кровь уже свернулась и засохла, мошкара, обильно покрывшая тушу, взвилась, стоило Верусу приблизиться.

– Скверна... землерой был прав, – пробубнил он себе под нос и сам же вздрогнул, очень громким показался голос в сгустившейся тишине.

Четырьмя днями ранее...

Постоялый двор полнился шумом голосов, местные мужики праздновали удачный посев и так вовремя начавшиеся дожди. Холодный поток лился из туч уже второй день, но это лишь радовало крестьян, всё чаще гремели кружки с медовухой. Каждый знал, что зерна, напившись воды, должны дать прекрасные всходы. Именно поэтому, не обращая внимания на слякоть и серость за окном, множество работяг собралось сегодня в «Рысаке». Лучшем трактире снаружи от стен, и плевать, что единственном!

Трактир примостился недалеко от южных ворот Триозёрья, считающихся главными. Дорога, начинающаяся у них, вела прямо к рыночной площади, а за ней и до особняка лорда Нокта недалеко. Так что старый пройдоха Вонг вовсе не жалел, распахнув двери своего дома и превратив его в трактир для усталых путников. Пусть и снаружи от крепости, но зато выбрал отличное место.

Как водится, торговцы, прибывающие в город, сразу направлялись за стену – в центр, поближе к рынку и кварталам плотницкой артели. А вот мелкие торгошники, часто без обоза и желания платить пошину, останавливались в единственном трактире – то есть у Вонга. Кто-то сразу заворачивал в «Рысак», прекрасно зная это место, другие заходили случайно: возвращаясь от ворот, не сумев оплатить пошину или попросту не желая тратить монеты.

К последним чаще всего относились мужики из окрестных деревень, часто приезжающие в город, чтобы продать мясо, зерно и другие дары Паразес-Ховат (5) или как её чаще звали – Девы Цветов. В отличие от крупных торговцев, им не было проку проходить через стену. Обменять свои скромные товары на нужные в хозяйстве вещи они могли и снаружи. Как только телеги освобождались, а карманы наполнялись медяками, крестьяне разворачивались и спешили в родную деревню. Но порой их взгляд падал и на «Рысака». Жёны с детьми далеко, можно и повеселиться чуток. На то и был расчёт хитрого Вонга. Цены он не гнул, еду подавал больше сытную, чем богатую, но завсегдатаи не жаловались. Им не привыкать к овощным рагу и редким кускам мяса.

Триозёрье считался крупным городом, примерно четыре тысячи душ, так что далеко не все могли уместиться за возведёнными в стародавние времена стенами. Большая часть города расползлась по пологому холму на манер лишая, и лишь пятая часть прикрывалась крепостью на самой вершине. Вокруг холма тянулись засеянные поля, с востока подпираемые лесом. Именно с них совсем недавно вернулись мужики, гуляющие сегодня под крышей Вонга.

– За светлого Бадлинга! (6) – один из празднующих встал в полный рост, подняв кружку повыше и громко добавил. – Пусть его воды не покинут наши поля!

Ответом ему послужил дружный хор шести орущих глоток. Под их аккомпанемент кружки столкнулись, медовуха брызнула через края, намочив разорванный на куски хлеб и очищенную гамджу (7), но компания этого даже не заметила. Кружки дружно запрокинулись,

гомон на пару мгновений стих. Сосуды опустошались огромными глотками, а когда с грохотом опустились на крепкий стол из толстых досок, слово взял уже другой парень.

На вид ему было около двадцати, усы и редкая борода тёмного цвета придавали лицу веса, но не могли скрыть уродливый шрам, пересекающий щёку и подбородок. Розовая криво сросшаяся полоса, оставленная от копья бандита... или клыка волка. Иногда это был медведь, а однажды Алёшка и вовсе приплёл топляка, страшную дьявольщину, живущую на болотах, за что был избит и обруган товарищами.

У крестьян не принято лишний раз поминать бесовщину. Считалось, что так можно навлечь на себя и близких беду. Однако ничто не мешало соседям разносить сплетни о потешном паренёке. Поговаривали, что на самом-то деле шрам, он получил ещё в детстве от помершего недавно братца. Но даже тут единой версии не существовало, толи коряга на реке, толи соскочивший с руки топор. В общем, слыл Алёшка выдумщиком да вруном, но работать умел и не отлынивал, так что собравшиеся оказались не прочь послушать очередную байку, тем более после трёх кружек горячительного. В том, что он собрался рассказать что-то обязательно зловещее, никто не сомневался. А если шебутного снова потянет помянуть какую пакость, то и врезать не грех.

– Эх, братцы! Бадлинг, конечно, присматривает за нами, но не всё в его ведах. Слыхал я, что в Дубках мужик стал пропадать... – понизив голос, парень обвёл собравшихся взглядом и добавил, – а три дня тому, даже баба. Как сквозь землю! Во как!

– Да, ладно тебе. Что тут такого? – в разговор вступил Сун, узколиций потомок завоёванной почти сотню лет тому Саламдэ. Его речь невозможно было отличить от остальных парней, но внешность сразу же выдавала «дурную» кровь. Насмешливо поглядывая на рассказчика, он прищурил и без того узкие глаза, превратив их в щёлки. – Ясное дело, это же деревня, что у самого леса стоит, да ещё и рядом с болотом. Как пить дать, утопи твои мужики... и баба.

– Может и утопи, да только слышал я, что по ночам над лесом видали местные зарево чудное, – подняв руку, Алексей провёл ей над столом, словно хотел дотронуться до чего-то невидимого и невесомого. – Как туман, говорят, что поутру над рекой стелется. Только этот тёмный, да фиолетовый и над деревьями. Вот оно как!

– Ну, заладил. Вот оно как, да вон оно что! – Сун нетерпеливо цокнул языком, и отмахнулся от брехуна кружкой. – Вечно ты байки траввишь, а как на деле выходит? – прищуренный глаз обвёл собравшихся за столом и остановился на Лёшке. – Краем уха, где ухватишь, а то и вовсе по пьяни!

– А вот и нет! С чего это? Да ещё и по пьяни?! – вдруг вскипел парень со шрамом. – В моём роду отродясь никого загульного не было! Это ты у нас любитель зелёного змея! – на секунду Лёшка замолк, переводя дыхания и будто бы собираясь с мыслями, а потом закончил. – И вообще, все вы, Саламы, такие. И ты и весь твой узкомордый народ!

Услышав такое, глаза Суна неприятно расширились, придав ему совсем уж чудной вид, но не успел он решить, стоит ли отвечать на оскорбление, как покалеченный парень перешёл на другую тему, словно бы напроць позабыв о нём:

– И вообще, чего мы сидим-то? Наливайте!

– Вот это другой разговор! – тут же подхватил идею мужик, что возносил тост в честь Бога воды. – А то от историй твоих только настроение портится!

– И кто тут любитель змея... – в полголоса процедил Сун, однако с удовольствием подставил и свою кружку. Ему всё равно бы не удалось отстоять честь бывшей родины.

Среди мужиков, собравшихся этим вечером за столом, он единственный не принадлежал к роду «Великих Северных Воителей» или по-простому Воргов, да и сколько лет прошло с той войны. Он-то родился уже в Империи.

Над Триозёрьем взошёл месяц, проглядывающий сквозь серые тучи. Дождь прекратился, но земля осталась сырой и вязкой. Всюду стояли лужи, а на дороге громоздились колеи от телег и упряжек. Лёшка с трудом ковылял домой, придерживаясь рукой за стены и заборы. Молодой отец четырёх детей, бубнил себе под нос проклятия в адрес «Узгоглазого змея» и философски размышлял о подвиге прадедов, поставивших гнилой народец Саламов на место.

– Предки не зря вас всех придушить хотели! Морда ты не Воргова. Не был бы помощником кожевника, давно пальцы пообломал...

Тут желудок Алёшки сделал крутое пике, заставив отвлечься от глупых мыслей и согнуться у ближайшего угла. Отплевавшись и откашлявшись, парень потихоньку разогнулся и опёрся о стену дома. Тяжело вздохнув и подняв взгляд к светлому месяцу, пьяный вусмерть мужчина расплылся в улыбке. Проклятый кривоглазый урод не смог испортить его вечер, приятно посидеть со старыми друзьями и потравить байки.

– Эх... и всё-таки жить хорошо!

– Глубоко, для пьяного землероя, – неожиданно раздавшийся за спиной голос не на шутку испугал парня. Дёрнувшись всем телом, он развернулся, чтобы успеть заметить стремительный бросок. Фигура, с ног до головы замотанная в серое тряпье, возникла прямо перед ним, тяжёлая рука опустилась на плечо, чудом не повалив на колени. Не успел, Лёшка вскрикнуть, как вторая зажала рот.

Не прошло и трёх секунд, как его скрутили в бараний рог и затащили за угол – в тёмный узкий проулок, ведущий через три двора к окраине города. Как ни пытался пьяный герой со шрамом вырваться их жёсткой хватки, ничего не удавалось. Незнакомец обладал чудовищной силой, будто кузнец Микола напялил на себе кучу тряпья и шуткует. Он легко тащил упирающегося парня за собой, и что самое страшное – делал это молча.

Как только они скрылись от света месяца, замотанный схватил на глазах трезвеющего парня за ворот рубахи, с лёгкостью оторвав от земли и прижал к стене какой-то избы. Лёха попытался садануть злыдня ногой, но пнул лишь взметнувшееся тряпье, и сразу же получил за это тяжёлый удар кулаком в живот. Мышцы скрутило болью, желудок подпрыгнул вверх. Если бы не подступившая минутой назад тошнота, он непременно бы выплюнул всё его содержимое. Едва дыша и поджав от боли ноги, Алёшка инстинктивно дёрнулся, стараясь вырваться из хватки.

– Не дёргайся... – холодный сухой голос проник в самое сердце парня. Страшно колотясь, оно не желало успокаиваться, но пьяный сказочник всё же сумел совладать с собой и выполнил приказ. Как только он перестал сопротивляться, хватка незнакомца чуть-чуть ослабла, и Лёха сумел дотянуться ногами до земли. Немного успокоившись и придя в себя, всмотрелся в тёмную фигуру.

Перед ним стоял некто чуть выше него самого ростом и гораздо шире в плечах. То, что он сначала принял за тряпки, оказалось порванным плащом из сшитых вместе шкур. На голову злыдень накинуд капюшон, пристёгнутый к плащу тонкими ремешками. От старости материя разошлась на множество лент, кое-где виднелись огромные прорехи, оставленные казалось бы... когтями? Сквозь некоторые проглядывала стёганая куртка. Из-под капюшона

выглядывал лишь массивный щетинистый подбородок, остальное надежно скрывалось в тени.

– Отлично, – одобрил его действия голос из-под капюшона. – Не трясись, землерой. Я тебя не трону... покуда отвечаешь на вопросы.

Интонация незнакомца холодила кровь, такой густой и спокойный голос, с лёгкой хрипотцой, но пронизывающий опьянённое сознание насквозь. Дико закивав, пьянчуга уставился на подбородок – единственное, что удалось, как следует разглядеть. В мыслях он перебирал все возможные варианты того, кто это может быть. Промелькнула даже сумасбродная мысль о гильдии убийц, про которую он уже давно ничего не слышал, а также о разбойниках, ворующих людей из собственных постелей и продающих рабами в Ритос, соседнее королевство.

– Стучилось так, что я услышал твою историю. Ту, что о зареве над лесом и пропавших крестьянах, – капюшон чуть придвинулся к лицу пьяного сказочника. Кожей он ощутил дыхание жуткого незнакомца и инстинктивно задрал голову повыше, отворачиваясь, а тот продолжал. – Я хочу знать, что в ней правда, а что ложь...

=== Сноски ===

(1) Старсия – самое распространённое название всех исследованных земель, аналогично названию мира в целом.

(2) Алэнео – существо, возникающее из двухвостых волков в результате долгого воздействия Скверны. Более гибкое тело, длинная шерсть, три хвоста и полуметровый рог на голове. Способен создать электрический разряд и контролировать его. Использует преимущественно с атаками рогом. Имеет частичный иммунитет к огню и неестественную скорость реакции. Опасный хищник, может содержать в себе камень Скверны.

(3) Камни Скверны (Нигматические камни, Ядра Фрома) – образования округлой формы, содержащиеся внутри подвергшихся влиянию Скверны существ и сильных порождений Бездны. Чем сильнее воздействие Нигмы, тем больше синтезирующийся камень.

(4) Зурук – парнокопытное, травоядное домашнее животное с вытянутой мордой и густой шерстью. Взрослые особи имеют ороговевшие пластины, вырастающие на шее и хребте. В хозяйстве используют их молоко и мясо.

(5) Паразес-Ховат (Дева Цветов) – Богиня плодородия, земли, весны и насыщения. В основном почитается крестьянами и некоторыми храмами пантеона «Вечной Шестёрки». Считается, что небольшие алтари, собранные по весне из веточек с только что завязавшимися почками и пучков волос домашней скотины, способны привлечь благословение Богини и даровать урожай и/или беременность.

(6) Бадлинг – Бог воды, покровитель рыбаков, моряков и врачей. В сказаниях чаще всего имеет грозный нрав, но помогает героям и апостолам в их делах. Существует поверье, что изредка вместе с грозой в селенья приходит немощный старик. Если люди пускают его к себе в дом и кормят, то на утро вместо старика в кровати можно найти то, что больше всего хочешь.

(7) Гамджа – распространённый корнеплод Старсии. Нежно розовые плоды, овальной формы в тонкой коже рыжеватого оттенка. Ближайшим аналогом в нашем мире, можно считать картошку. Хотя в отличие от неё гамджа не содержит большого количества крахмала.

Глава 2 – Крепкий ты засранец

Отмахиваясь от комаров и мушек, а заодно и от воспоминаний о причудливом пьянчужке, Верус внимательно обследовал тушу оленя и выдохнул:

– Предупреждаете? Сколько же вас, коли так осмелели?

Не дожидаясь ответов, пригнулся и прошёл через жуткую арку. Стоило ему пересечь кровавую черту на траве, как тяжесть, давившая на плечи, утроилась: с каждым шагом она стала нарастать, дышать становилось тяжелее, а поднимать ноги сложнее, будто идёшь в гору. Кожаная броня, скрытая под плащом, становилась всё увесистее, мужчине приходилось напрягать все силы, чтобы сделать очередной шаг вперёд.

Невнятный шёпот послышался из неоткуда... услышав его, воин резко замер, припав к земле. Отерев пот со лба, прислушался: среди тёмных стволов и корявых ветвей слышался невзрачный, тихий, едва различимый шёпот. Словно кто-то невидимый нашёптывает на ухо, с каждым ударом сердца, направление звука менялось: спереди, потом с боку, сзади и вот уже снова где-то впереди.

В воздухе удушающе запахло гнилью. Подняв с шеи повязку, мужчина закрыл рот и нос, подтянув узел импровизированной маски. Ткань была смочена специальным составом: двенадцать медяков за пузырьёк, и ядовитые пары Нигмы, не причинят вреда. По крайней мере, быстро.

Путник двинулся дальше, ему всё чаще попадались обглоданные кости и недоеденные туши зверья. Шёпот нарастал, переходя в навязчивое бормотание, мешающее прислушиваться. Лесной ковёр сменился серой гниющей массой, неприятно шевелящейся под ногами. В голове же рождались странные фантазии, образы, просачивающиеся из подсознания: сверкающие залы, увенчанные пиками стены, толстые мозаики в оконных проёмах, люди в серых балахонах, в красивых шелках и дублетах, или же в доспехах. Два ряда молодых девушек и парней... он среди них, смотрит по сторонам. Час его славы наконец-то пришёл...

Зажмурившись, Верус встряхнул головой, пытаясь избавиться от наваждения. Воспоминания никогда не приносили облегчения, лишь отвлекали от дела. Собравшись с мыслями, мечник распахнул глаза, бормотание переросло в противный писк. Над землёй стелился чёрный дым, грязные клубы перекатывались через корни, облизывали стволы и тянули к нему неосязаемые щупальца. Столь густые, что казались противоестественно влажными. Но дым не может быть сырым!

Осознав, что поддался Скверне, несмотря на маску, Верус прикусил губу. Капельки крови взмыли вверх, кружась зачарованным хороводом россыпи мелких рубинов. Наваждение спало, но чёрный дым никуда не делся, наоборот, словно почувствовав сопротивление, уплотнился, сгустился, поднимаясь всё выше от земли. Рука потянулась к поясу:

– Ну, давайте уже... – прорычал мужчина, выдёргивая из ножен кинжал, вторая рука легла на эфес короткого меча, притороченного к боку. Словно этого и дожидаясь, чаща взорвалась истошным рёвом. Дым слева от воина всколыхнулся, поднялся метровым курганом. И в следующее мгновение прямо из чёрных, липких клубов выскочил жуткий карлик: голый, мерзкий, весь в желтовато-красной слизи. Огромная непропорциональная голова покоилась на маленьком, практически детском тельце, покрытом струпьями и

сочающимися язвами. Вытянув тонкие ручки, существо устремилось вперёд, громко крича.

Оттолкнувшись от земли, Верус отпрыгнул, увернувшись от длинных пальцев, схвативших лишь воздух. А теперь получи-ка это. Обратным движением полоснул кинжалом, не глядя, сразу же отступил ещё на шаг. Карлик дёрнулся, отшатнувшись, из плеча потекла синеватая жижа, ничуть не похожая на кровь. Глаза блюдца уставились на обидчика, пасть разинулась, выставляя напоказ кривые заострённые зубки и чёрный язык. Неуловимым движением левой руки, Верус метнул узкий нож, выхваченный из-за полы плаща. Лезвие впилося прямо в выпуклый глаз существа, крик захлебнулся резким всхлипом. Ухватившись за рукоятку, торчащую из глазницы, карлик попытался выдернуть оружие.

Воспользовавшись тем, что всё внимание противника сосредоточено на ране, боец шагнул вперёд, попутно вытаскивая меч из ножен. Единым движением, проскочил мимо и нанес удар, оказавшись по другую сторону дерева. Рёв резко оборвался, а сзади донёлся характерный звук падающего в листву тела.

Отдыхать долго не пришлось, вторая тварь неожиданно набросилась сверху, видимо, пряталась среди ветвей или только что явилась из Скверны. Подставив меч плашмя, человек сумел заблокировать удар и ответным движением скинуть карлика под ноги. Не дав тому опомниться, саданул носком сапога в район рёбер, вот только тот оказался проворнее. Мгновенно сориентировавшись после падения, карлик вскочил на все четыре конечности и метнулся в бок, уворачиваясь от пинка.

Вместо удара получился слишком широкий шаг, и Верус потерял равновесие. Ещё бы чуть-чуть и головой вперёд навернулся. Вот же вёрткая бестия! Словно в ответ на мимолётную слабость, справа к нему метнулся ещё один монстр. Заострённые коготки впились в руку, ткань плаща разошлась с протестующим треском. Мерзкое создание дёрнуло его на себя, почти повалив на землю. По ним не поймёшь, но в столь маленьких телах скрывается огромная сила. Он успел не раз убедиться в этом.

Поэтому не дожидаясь, пока второй карлик присоединится к драке, боец вывернул руку из захвата и саданул его коленом прямо в огромную голову. И это сработало, монстр отступил, оставляя за собой дорожку вонючей слюны. Но уже в следующее мгновение широко раскрыл пасть и пошёл в контратаку, бросившись на ноги воина.

Уклонившись от ожидаемой атаки, тот отпрыгнул ещё на пару шагов и сделал это вовремя. Второй монстр метнул крупный камень, целясь в голову. Если бы не своевременный отход, лежать бы ему на земле под тем же деревцем. Чёрт! Выхватив второй метательный нож, мужчина запустил его в наступающего карлика. Лезвие со свистом рассекло воздух и впилося в ствол. Проклятье!

Широко улыбающееся чудовище уверенно наступало. Времени горевать о промахе не осталось, сойдясь в жестоком противостоянии сразу с двумя противниками: он с трудом отмахивался мечом, изредка контратакуя кинжалом. Лес вокруг растворялся, чёрный, непроглядный дым сгустился настолько, что скрыл всё в двух шагах вокруг: низкие силуэты закружились среди чернильных клубов, рёв и рык сменились издевательским смехом, больше похожим на стенания разрываемых детей. Отбив очередную атаку, Верус ловко вернул кинжал в ножны на поясе. Тем же движением схватился за небольшое заострённое кольцо и сжал ладонь. Лезвие вспорол перчатку, достигнув кожи, потекла кровь:

– Сандоузо мэ'то аима мою (1), – рука взмыла вверх, ярко-красные бусинки крови зависли в воздухе неровной линией. – То афино фост'а песси! (2) – каждая капелька обратилась искрой, светящейся ярче любого факела. Жгучий свет хлынул во все стороны,

пронзая и рассекая клубы дыма. Смех разом оборвался, послышался скулѣж и жалобный вой. Человек с вознесѣнной к небу рукой и закрытыми глазами, продолжил: – Фост, гурус аегис мой! Протекто мэ ас Нигма! (3)

Искры истинного света мигнули, значительно утратив яркость, и начали собираться вокруг мечника. Быстро закружившись у пояса, слились в тонкую нить и резко разошлись в стороны. Поток воздуха окончательно оттеснил дым на пару десятков метров, оголив пять мерзких карликовых фигур, попадавших на землю, дико вопя: ручками тѣрли обожженные глаза, пытаясь унять боль. И прежде чем кто-либо из них пришѣл в себя, Верус приступил к делу.

Переходя от одного вопящего монстра к другому, он без жалости пресекал жизнь за жизнью: перерубал шеи, кромсал рѣбра и отрубал конечности. Клинок взмывал вверх и грубо падал вниз, на хлипкие тела. В этом не было красоты или порядка, он просто рубил их, толком не целясь. Сознание, затуманенное Скверной, дало слабину, и лишь животная ярость вела его. Когда на очереди остался последний карлик, из клубящегося дыма по краю широкого круга выскочил новый враг: жуткий головастик. Он не шѣл по прямой: пару раз метнулся из стороны в сторону, запутывая мужчину. После третьего прыжка монстр всё же выбросил вперед длинные пальцы, небольшие когти рассекли воздух, но врезались в металл, а не плоть.

Заранее выхватив кинжал, боец подставил его под выпад, и, приняв удар на лезвие, перенѣс вес вперед: – Что тварь, не думала, что окажусь проворнее тебя?

Сделав шаг, что есть сил, толкнул мерзкого головастика. Со стороны казалось, что настолько маленькое существо обязано отлететь с его дороги, на деле же вышло иначе. Откатившись на пару сантиметров по дѣрну, большеголовый обхватил лезвие когтями и с такой силой дѣрнул мужчину на себя, что тот едва не свалился на колени.

Кое-как удержавшись на ногах, Верус в последний момент вскинул вторую руку. И зубастая пасть вцепилась в подставленный меч: дико крича, существо задрывало конечностями, но достать человека так и не сумело. Размахнувшись от корпуса, мужчина стряхнул его с меча. Лезвие выскользнуло из зубов с громким щелчком и хрустом. Видимо, бестия таки лишилась парочки клыков, и следом последовал чмокающий звук – половина головы чудища отлетела куда-то в темноту.

Лишѣнное головы тело сразу же обмякло и рухнуло своему убийце под ноги. От трупа повалил густой дым, но стоило грязным клубам коснуться края сапога, как тонкая светящаяся нить у пояса запульсировала и взорвалась второй волной ветра. Магия растворилась, но вместе с тем отшвырнула всю Скверну к краю двадцатиметрового круга, центром которого выступал мечник, призвавший свою кровь на помощь.

Вот только в отличие от дыма два карлика, выбежавшие с боку, никак не отреагировали на поток. Широко раскинув ручки с острыми когтями, парочка неслась прямо на врага, а позади приходил в себя поваленный и ослеплѣнный монстр.

Сразу два карлика с гнилыми зубами и чѣрными когтями накинудись на мужчину. Быстро орудуя двумя клинками, он успешно парировал их атаки: мечом держал врагов на расстоянии широкими взмахами, кинжалом бил точно и редко, нанося раны или сбивая ритм. Когти то и дело выбивали искры из металла подставленного клинка. Дьяволята, что есть сил, вопили. Чѣрный дым всё прибывал, начав проникать в защитный круг. Медленно ползя по траве и листве, перетекая через корни, он всё ближе и ближе подступал к человеку. Вскоре Верус сражался по колено в вязкой, склизкой, холодной субстанции. Но даже так...

Меч отразил атаку одного из карликов: короткий пируэт, и кончик лезвия впился в глазницу второго. Сменив опорную ногу, воин проскочил между противниками, попутно взмахнув кинжалом. Железо устремилось к шее, но большеголовый тут же отпрянул на метр назад, в очередной раз доказывая своё проворство. Найдя опору ногам, он поднял взгляд на ненавистного человека, как вдруг что-то перекрыло обзор. Глухой хруст разнёсся по лесу, и труп карлика с кинжалом, вонзившимся в лоб, упал в чёрную слякоть. Укутанный в рваньё хитрец попросту метнул оружие, не позволив ему ускользнуть.

Второй монстр слепо молотил ручками, бросаясь туда-сюда: боль, терзающая его, застилала глаза... точнее глаз. Не дав ему времени прийти в себя, Верус взмахнул мечом. И голова скатилась с плеч под фонтан из синей жижи. По лесу прошла дрожь, густой склизкий дым вспенился, за клубился вокруг. Писк, терзающий уши, сменился утробным рыком и в промежутке между деревьями поднялся девятый вал.

– Проклятье! – бросил Верус спешно отступая, но, не забыв по пути, выдернуть кинжал из мёртвого дьяволёнка.

Чаща содрогнулась, покачнувшись, боец выкинул левую руку вперёд и опёрся на ближайшее дерево. Скосив взгляд в сторону низкого рокота, заметил, как из остатков тьмы формируется огромный курган: высотой метров в пять, доходя кромкой до верхушек некоторых деревьев, что были пониже остальных. Отработанным движением вернув кинжал в ножны, таинственный путник вновь нащупал на поясе миниатюрное кольцо. Надавлив на него большим пальцем, разворошил предыдущую рану.

– Сандоузо мэ’то аима моу. Наи рой ройс! (4)

Левая рука поднялась горизонтально земле, ладонь указала на растущий дымный холм. Крови хлынуло значительно больше, чем в первый раз: пульсируя, рубиновые капли слились в линию, окружая кисть. Нить вспыхнула золотом и на ней возникла сфера размером с яйцо. В глазах потемнело, на плечи навалилась чудовищная тяжесть, мечник покачнулся, но устоял.

Тьма взбухла, пошла рябью и, наконец, лопнула: из разрыва, словно гной, выплеснулась белая туманная дымка, а сразу за ней показались рога, огромные, ветвистые рога. Медленно покачиваясь, они устремились ввысь, прямо к кронам деревьев. За ними показалась и голова: длинная узкая морда с двумя парами желтоватых глаз. Затем туловище, отдалённо напоминающее оленя с четырьмя узловатыми лапами, но намного шире и крупнее обычного.

Не дожидаясь, пока тварь вылезет окончательно, Верус активировал заклинание. Ядро вектора мигнуло, но в этот раз не было света, вместо него кровь обратилась струёй воды, тонкой, но мощной. Она устремилась вперёд, рассекая воздух: отдельные капли, не удержавшиеся в потоке и разлетевшиеся в стороны, прошили ветви насквозь, а врезавшиеся в стволы деревьев, вырвали крупные щепки.

Струя впилась в голову рогатого монстра, всё его тело покрывала липкая белёсая жижа, резко контрастирующая с чёрными клубами дыма: она стекала по бокам, просачивалась из глазниц и пасти, бурлила и лилась на землю. Дым отступал от неё, словно сдуваемый ветром, чудовище два с половиной метра в холке вышло из Скверны, наперекор воде, бьющей в его голову. Поток рассёк шкуру, оголил зубы, и съехал по шее, ослабевая. Но кривая рана мгновенно наполнилась всё той же белой жижой, да и монстр вряд ли её заметил. Две пары глаз неотрывно следили за вторгшимся на его территорию мясом в рваных шкурах.

Корни и трава под корявыми копытами мгновенно сгнивали, растекаясь не то грязью, не то прахом на землю. Листва, окружающая рога, желтела и опадала. Вскоре поражённый

Нигмой олень оказался усеян умирающими листьями. Удивительно, но со стороны это выглядело красиво: огромное животное, медленно ступающее через лес, среди падающих листьев. Но мужчине было совсем не до этого, его заклинание не сработало. Точнее сработало, но слишком слабо и это было ещё хуже.

В такт шагам искажённого оленя, мужчина отступал назад. Нужно срочно придумать новый план. Как же он так вляпался?! Недооценил влияние Нигмы? Стоило догадаться, увидев разодранного оленя на входе, прислушаться к предупреждению, Боги и Твари! Сколько было лесных старичков? Пять? Семь? Неопределённо цокнув языком, Верус сделал последний шаг назад и замер, приготовившись: ноги чуть согнуты в коленях, мышцы напряжены. Он готов!

Проклятый Нигмой олень задрал голову и заревел, резкий вибрирующий звук резанул по ушам. Этот вой не был похож на голос лесных хищников или предупреждающие крики их жертв. Звук, изрыгаемый бестией, противоестественно напоминал колокольный звон церковью Вечной Шестерки, только перевёрнутый, обращённый не во славу Богов, а им на погибель. Борясь с головокружением, воин пару раз мотнул головой, стараясь сопротивляться чудовищному звуку, но это ничуть не помогло. Тогда он прикусил губу, и вечно незаживающий шрам окрасился кровью, капли взмыли вверх, сознание очистилось:

– Ну, же... Давай! – прорычал человек, покрепче стискивая эфес меча. – Давай, нападай!..

Громадное чудовище словно ожидало приглашения, резко бросилось вперёд, размахивая рогами. В ответ Верус стремительно сместился вправо и, оттолкнувшись ногами, перешёл в кувырок. Оказавшись сбоку от наступающего противника, воспользовался мечом: коротко замахнувшись, направил лезвие меж его рёбер, но сталь лишь печально звякнула о вовремя подставленные рога. Клинок задрожал от отдачи, едва не выскользнув из крепко сжимающей его руки, бойцу пришлось спешно отступать, а прокажённый олень уже развернулся и вновь ринулся вперёд, на этот раз, встав на дыбы и высоко задрал ноги, увенчанные крепкими хоть и корявыми копытами.

Чудовищный удар сотряс землю, вырвав из неё приличный кусок: корни и прах разлетелись во все стороны, но таинственный путник успел ускользнуть и от этого. Проскочив в считанных сантиметрах от копыта, Верус умудрился полоснуть зверя кинжалом и, не теряя темпа, обернуться и сделать выпад мечом. Клинок вонзился в плоть, и лес накрыл громогласный рёв проклятого Скверной оленя, а в следующее мгновение мир ушёл из-под ног мужчины.

Жуткий удар копыта врезался ему в грудь, откинув на добрых три метра. Не успел мечник, как следует, прочувствовать боль, как налетел спиной на дерево, и воздух вылетел из лёгких, хриплым криком. Повалившись наземь, через боль откатился в сторону и сделал это вовремя. Второй удар копыт обрушился на землю, где он мгновение тому назад лежал.

Разъяренный зверь крутанул мордой, следя за ускользнувшей жертвой, но его огромные рога зацепили низко висящую крону. Под скрежет и треск дерева, Верус успел вскочить на ноги и сплюнуть кровь. Дыхание давалось с трудом, видимо проклятый Богами монстр повредил что-то внутри, но переживать об этом было некогда.

– Сандоузо мэ'то аима мою! – едва разлепляя губы, прошептал воин. Кровь, текущая изо рта и раны на груди, засветилась, взмывая вверх наперекор всем законам мира. Прокажённый олень решающим рывком освободил голову от веток и поворачивался к нему. – То афино фост'а песси...

Лесная чаща утонула в ослепительной вспышке, в отличие от предыдущего раза, кровь не образовывала нитей, человек находился не в том состоянии, чтобы хорошо контролировать заклинание, но даже без вектора каждая капля вспыхнула, повинувшись словам первичного наречия (5) и воле владельца.

Раскрыв заранее зажмуренные глаза, он кинулся в бой: лезвия меча и кинжала рубили и кромсали толстую шкуру чудовища. Густая белая жижа летела во все стороны, заливая одежду, лицо и землю под ногами. Оскверненный олень метался, дико вопя и пытаясь насадить обидчика на рога, но, ослеплённый заклинанием, ловил лишь ветер.

Когда тварь сумела хоть что-то увидеть, от её шкуры почти не осталось и следа: жуткие длинные порезы и раны пересекали бока, живот и морду, левая пара глаз вытекла от удара меча, оголив пустые глазницы, в которых теперь бурлила вонючая белёсая жижа. Неуверенно держась на лапах, монстр отступил на шаг назад и встряхнул мордой, разбрызгивая вездесущую заразу.

Верус же стоял, опершись на меч: его била лёгкая дрожь, грудь поднималась и опадала, с трудом проталкивая воздух в лёгкие. Взгляд мужчины замер на израненном противнике. В левой руке он судорожно сжимал кинжал, по которому текла, в том числе, и его кровь: белый смешивался с красным, капая на сырую землю.

– Крепкий ты засранец... – едва слышно прошептал мечник, усмехнувшись. Стоило ему раскрыть рот, как неуправляемая струйка крови потекла по подбородку. Сила дара иссякла, больше не вздымая её к небесам. Отерев кровь тыльной стороной ладони, он потянул на себя меч и, не без труда освободив лезвие из земли, встал в полный рост, приготовившись к финальному раунду.

=== Сноски ===

(1) Сандоузо мэ'то аима мою – Кровью своей заклинаю (перевод с первичного наречия)

(2) То афино фост'а песси – Снизойдет истинный свет (перевод с первичного наречия)

(3) Фост, гурус аегис мою! Протекто мэ ас Нигма – Свет, обратись щитом моим! Огради от скверны (перевод с первичного наречия)

(4) Сандоузо мэ'то аима мою. Наи рой ройс – Кровью своей заклинаю. Да струится поток (перевод с первичного наречия)

(5) Первичное наречие – язык, на котором пишутся и произносятся все заклинания Старсии. Хоть люди и способны читать на нём, однако смысл произносимых слов остаётся загадкой и по сей день. Считается, что именно на этом языке говорят Боги.

Глава 3 – Монстр, убивающий саму Скверну

Чудовище не спешило нападать, оно медленно обходило человека по кругу, изучая, принохиваясь, словно впервые увидев. Время от времени из глотки зверя вырывался протяжный рев, жуткий и противный до мурашек, ничем не похожий на крики других лесных обитателей. Отстранённый, словно нарушающий законы мира, визжащий, резкий, как удар кнута и протяжный словно вой раненого волка. С каждым криком оленя, кровь в жилах замедляла бег. Будто всё глубже погружаешься в Скверну! Вот же гадство! Верус покрепче перехватил эфес меча и терпеливо пережидал пытку. Роящиеся образы, наполняли голову. Зрение плыло, того и гляди, потеряешь врага из виду, тем не менее воин сумел сохранить концентрацию. Слишком многое поставлено на карту, чтобы поддаться влиянию Скверны в такой момент. Трюк не сработает, тварь!

Монотонное кружение неожиданно оборвалось, резким броском вперёд. Израненная тварь устремилась на него, низко опустив морду и выставив вперёд ветвистые рога. Среди костяных пик взметнулось фиолетовое пламя, ярко осветившее чащу. В изменчивых тенях, роились непрощенные образы. Скверна брала своё.

– Лови! – с коротким выкриком мечник выпустил из пальцев рукоять кинжала и выхватил из-под плаща болас, всё это время болтающийся у бедра. Коротко размахнувшись, метнул оружие ниже рогов зверя. Увенчанное тремя небольшими камнями, обтянутыми кожей и связанными в единый узел, приспособление устремилось над самой землёй, вращаясь.

Монстру оставалось пробежать каких-то пять метров, когда болас обернулся вокруг его передних ног. Верёвки намертво сцепили конечности, а камни больно ударили по коленям и суставам. Резко зарывшись носом в землю, олень перекувыркнулся через голову. Затрещали рога, полетели костяные щепки.

Оглушённый, раненый и потерявший ориентацию монстр с трудом приподнял морду над землёй. Пустой взор единственного уцелевшего глаза обвёл округу, ища злобного человека, причинившего столько боли. Но вокруг никого не было видно, жалкий человечиска, словно сквозь землю провалился.

– Да, сдохни уже! – раздражённый рык донёсся откуда-то сверху, но олень не успел поднять взгляда. Блеснуло лезвие, раздался тихий хруст и меч перерубил шею, оборвав псевдожизнь существа.

Мир вздрогнул, стоило клинку завершить свою работу. Лесная чаща ожила сонмом звуков, до этого скрытых от ушей. Тёмная дымка под ногами распадалась, влажно блестя на мёртвых листьях и искривленных корнях. Скверна отступала, сжималась. Мерзкий дым втягивался обратно в тело поверженного чудища и землю вокруг.

Верус отступил на пару шагов, его лицо расслабилось, будто с плеч спала невыносимая ноша. Только сейчас путник ощутил, как сильно на него давила Скверна. Пока остатки проклятого дыма растворялись, мужчина осмотрел лезвие меча, покрытое кровью и белой слизью. Короткий взмах и почти вся дрянь слетела с него, оголив истинную красоту клинка. Но владелец не удовлетворился этим, зажав на сгибе локтя, медленно протянул на себя, полностью очищая лезвие об одежду. И только после этого, позволил себе вернуть оружие в ножны.

Пока боец занимался оружием, Скверна окончательно исчезла, оставив мёртвое тело

олень лежать на сырой земле. Его искажённые контуры никуда не пропали: даже мёртвый он ещё оставался прокажённым, но выглядел искусственно. Лишившись жизни, существо, которое не должно существовать, превратилось в корявое, наскоро сшитое чучело.

Мужчина долго смотрел на поверженного врага. В его выражении глаз появилось что-то, о чём бы он предпочёл не говорить. Печаль? Нет, что-то глубже, но оно не успело сформироваться окончательно. Отмахнувшись от собственных чувств, человек подступил к туше. Из-под плаща выпорхнул разделочный нож с широким лезвием. Перекрутив его на ладони, Верус присел на корточки и вонзил клинок в ещё тёплую плоть. Из раны потекла кровь, белая жижа пропала, точно всё сражение и ужасы ему попросту привиделись.

Уверенными движениями вскрыв грудную клетку, мечник добрался до главного. Отложил нож и запустил левую руку внутрь. Замерев со странным выражением лица, он шарил в глубине туши, пока пальцы не нащупали нечто гладкое и твёрдое.

– Ага! – воскликнул воин, улыбнувшись. – А вот и награда.

Первые лучи солнца пробились сквозь ожившую чащу. Тонкие жёлтые столпы, упали на подлесок, выхватив из сумрака окровавленную руку и жёлтый камень, лежащий на раскрытой ладони.

– Неплохой размерчик, засранец! – хохотнул мужчина, пнув тушу оленя. – Вот почему ты такая заноза в заднице, да? – хмурое до этого лицо украсила действительно счастливая улыбка, кажется, она была первой за месяц.

Солнце катилось к закату. Крестьяне заканчивали нехитрые дела на полях: кто-то вёл скотину обратно в деревню, другие возвращались, неся пресную воду с реки, вместе с ними шли несколько женщин, что занимались стиркой и теперь несли чистые вещи домой.

Ронзель, как всегда, дежуривший у ворот, жевал травинку и разглядывал баб. Как вдруг что-то привлекло его внимание. Прищурившись, паренёк удивлённо раскрыл рот. Травинка выпала, медленно упав на землю. Но он не заметил, всё его внимание сосредоточилось на силуэте, бредущем со стороны леса: высокий и плечистый человек в оборванном тряпье неторопливо вышагивал по направлению к воротам. Но взгляд Ронзеля привлёк вовсе не внешний вид, а две шкуры, свисающие с шеи, будто заправский шарф разбойника или городской красотки.

– Это же... не может быть, – парень на ощупь нашёл копьё, приставленное к частоколу, и зашагал на встречу. – Эй, милсдарь! Вы вернулись! Давайте сюда, вас уже заждались! – Ронзель призывно махал свободной рукой, привлекая внимание странного охотника. А заодно и всех баб в округе. Теперь-то он сможет говорить, что лично встречал спасителя деревни.

– Голова у себя? – бросил охотник, не здороваясь, стоило только подойти поближе.

– А куда ему деться-то, милсдарь? У себя, коряга старая, вас ждёт, как есть.

Парень скривил лицо в, как ему казалось, заправской ухмылке. Только вышло не очень. Уж больно уродливая была морда: нос картошкой, жёлтые кривые зубы и странно вздёрнутая верхняя губа. Верус сражался с самим собой, чтобы не бросить что-нибудь в ответ. Нет никакого смысла издеваться над землероями – жизнь у них и так горькая словно зарецвет (1). В место этого он понимающе кивнул и продолжил путь в деревню.

Люди вокруг бросали на него взгляды: кто удивлённые, другие испуганные, третьи разве что не возносили молитвы Вечной Шестёрке. И на том спасибо! Не хватало только, чтобы землерои поклоны мне бить начали. Ещё чего!

– Посмотрите, посмотрите, на шкуры... – шептался кто-то в быстро растущей толпе.

– Как есть двуххвостый волчара! Боги и Твари!

– Да их же две, шкуры-то две!

– Вот кто Любку задрал! Ой-ей... – причитала дородная женщина с двумя вёдрами воды на коромысле.

– А он их обоих, раз – и всё! – воскликнул какой-то мужичок с мотком верёвки на плече.

– Правду говорят! Подаренные Богам всю славу в себя да силу принимают!

Последняя реплика заставила лицо воина непроизвольно дёрнуться, но никто не успел заметить мимолётной гримасы, проскользнувшей на нём. Так, под недружный хор возгласов и причитаний крестьян, Верус пересёк полдеревни, подойдя к дому местного головы. Тот уже стоял на крыльце, ожидая. Молодой парнишка, что-то нашёптывал ему на ухо, но стоило наёмнику приблизиться, как паренька, словно ветер унёс.

– Здравья тебе, милсдарь охотник, – поприветствовал наёмника голова. Был он высок и по-старчески сух, но в глазах сохранилась задорная удаль. Седая голова вежливо склонилась в поклоне, на что Верус ответил кивком и многозначительным взглядом на толпу позади себя. Мгновенно поняв его, голова указал рукой на дверь и добавил: – Проходи в дом, нечего на ветру стоять.

Когда тот прошёл внутрь, старик грозно зыркнул на толпу, и крестьяне тут же поспешили убраться по своим делам.

– Так-то! – убедившись, что все разошлись, фыркнул пятидесятилетний старик и проследовал за могучим воином домой. Тот уже успел сбросить шкуры хищников на пол и занять табурет у стола. Выглядел он заметно хуже, чем когда уходил в лес.

– Зверьё потрепало, – скорее подвёл итог, чем спросил староста, огибая стол и усаживаясь напротив укутанного в рваньё охотника.

– Есть такое, – бесцветно бросил тот, – но ты за меня не переживай, старик. Лучше порадуй наградой, что обещал, – взгляд из-под края капюшона остановился на лице старосты деревни.

– Стало быть, наши беды разрешены? – вопросом ответил тот, коротко взглянув на валяющиеся на полу хаты шкуры. Затем седовласый вновь повернулся к мрачному мужчине. – Эти бестии моих людей жрали?

Мечник прекрасно различил сомнение в голосе. Его наниматель сомневается – и правильно делает, между тем ему вовсе незачем знать подробности. Нужно, как можно быстрее закончить разговор, получить плату и скрыться.

– Они, – односложно ответил охотник. – Проблема устранена. Эти в стаю собрались. Трое, – бровь главы деревни поползла вверх, что не ускользнуло от внимания бойца. – Да, трое, – опередил он его вопрос. – Двух я прикончил, сам видишь. Последний убежал. По лесу-то за ним гоняться мне не с руки. Но не бойся, зверь, конечно, дикий, да зубастый, но поодиночке на людей не охотится. А может и вообще уйдёт из этих мест. Ему стаей проще, будет новую искать.

Лицо старика разгладилось, будто он скинул десяток лет. Хитрая улыбка заняла место морщин, пока он понимающе кивал.

– Всё хорошо в твоей байке, одно плохо – видали мужики зарево чудное над лесом. Сегодня с утра, да не просто зарево, а фиолетовый свет, что аж сами небеса подсвечивал. Когда ты, стало быть, на волчат двуххвостых охотился, да по лесу бегал, – взгляд серых глаз стал испытующим. – Что про это скажешь?

– Хмм... – Верус отстранился от стола, но табурет не позволил ему откинуться на спинку, ведь её попросту не было. Пришлось неловко остановиться на середине движения и усесться поудобней. – Ничего не знаю ни про какие огни яркие да фиолетовые. У меня дед работа простая – зверя дикого да кровожадного выслеживать, а не на зорьки любоваться.

– Врёшь... В глаза смотришь и врёшь! – напыжился старик. – Ты не думай, я знанием своим делиться ни с кем не собираюсь. Ты мне одолжение сделай, сынок. Успокой сердце, не верю я, что волки, пусть и такие чудные, как эти, могли столько людей утащить. Это же всё соседи мои, всех с сопливых лет знаю. На глазах росли, понимаешь? Почитай семья!

– Слушай, – Верус тяжело вздохнул и не менее устало осмотрел хату старика. – Ты ведь не глупый человек, да? Голова деревни на двадцать домов. Писать умеешь! Вон даже письмо в церковь Шестерых отправить хотел, помощи просить. А всё туда же... Незачем тебе в это лезть. Волки это были, Боги и Твари, и всё тут!

– Ну, да, спутал я тебя сначала с их апостолом. Что теперь поминать-то?

– А то, что коли догадался о чём, так и держи при себе. Я не проповедник и тем более не апостол, чтобы про Скверну рассказывать и про заразу, что из неё лезет. Сам догадываешься, на что я «охотился», – особо выделив последнее слово, развёл руками Верус. – Так зачем же, Шестёрка тебя направь, вопросы задаёшь такие неудобные?

Старик резко посуровел, видимо, собеседник случайно задел его за живое:

– Правильно ты сказал, у меня двадцать домов, а в них не сено наложено, а люди живые, семьи. Детишки вон малые, да голожопые бегают, уму разуму набираются. И если какая зараза в лесу завелась, и жрать их повадилась, кто же, как не я, должен вопросы задавать? Ну, облегчи ты муку мою, скажи!

– Да, что за напасть?! Во пристал, скажи да скажи. Ты, дед, никак плату мою отдавать не хочешь? – решил зайти с другой стороны воин. – Так ты сразу скажи, не трать время, нечего нам с тобой попусту трепаться.

Голова деревни одарил его долгим печальным взглядом. Наконец что-то для себя решив, поднялся, отойдя от стола к небольшому комоду у стены. Нагнувшись и открыв скрипучую дверцу, возился среди полок, пока не выудил серый мешочек, подвязанный кожаным шнурком. Обернувшись к молодому наёмнику, старик тяжело вздохнул и произнёс:

– Давно я всё приготовил, когда ещё Люба пропала, но тебе-то дела нет. Боль людская, что вода по камушкам, да? Неужто так ломает тебя, облегчить думы мои? Ответь, что за твари селян в лес уволокли?

– Они мертвы, – тихо отозвался парень из-под капюшона. – Убиты мной, вот этим мечом, – с этими словами он резко откинул полу плаща и выдернул из ножен клинок. И под удивлённым взором старика положил его на стол. – Ты искал помощи, просил меня, почитай умолял. Теперь я сижу перед тобой и говорю, что всё сделано. Работа завершена! – в голосе Веруса звенела сталь. Хозяин избы испуганно зыркнул на выход, будто ища поддержки, но тут же взял себя в руки, немного разозлившись на секундную слабость. А охотник, тем временем, уже поднялся из-за стола и начал медленно подступать к нему:

– Хочешь знать, что это было? Думаешь, правда облегчит муки? Поможет тебе справиться, позабыть об их смерти? – тяжёлые шаги гулко отражались от стен, придавив старика к комоду. Холодный пот выступил у него на лбу, худые руки шарили по верхней полке, словно, ища, чем бы защититься от собеседника, что вмиг обратился жутким незнакомцем. Из-под капюшона, нависающего над лицом, выглядывал лишь подбородок, но поражённый страхом разум рисовал во тьме глаза. Их острый суровый прищур,

пригвоздивший к полу.

– Пстой... – кое-как прошептал старик, не понимая, чего так сильно боится в собственном доме. Путник, которого он нанял не казался высоким, едва ли выше него самого, но каким-то чудом сумел нависнуть над ним тёмной горой тряпья и грязных оборванных ремней. Силясь выдавить из разом пересохшего горла хоть слово, голова деревни всё же не опустил глаз, встретил тёмную дыру капюшона настолько смело, насколько сумел. Какой-то вшивый пацан не испугает его!

– Скверна, – одно единственное слово слетело с невидимых в тени губ, пронзив старика судорогой. В голове прокручивались тёмные истории, услышанные им за долгую жизнь: страхи и тайны, скрывающиеся в тенях. – Она ничего не чувствует, старик. Ей всё равно, она питается страхом, тьмой, сокрытой у нас вот здесь, – палец в перчатке уткнулся ему в грудь, от чего сердце подскочило куда-то к подбородку. – Тебе не нужно знать, кто или что убило твоих людей, какую форму выбрало. Ведь чем больше ты знаешь, тем сложнее засыпать по ночам. Знай одно, старик. Скверна, их забрала она, а я убил её.

Осознание свалилось на управляющего трясущимися ногами и гулками ударами старого сердца. Перед ним стоял не просто путник, не апостол церкви Шестерых. И даже не охотник. Он пытался заставить сжалиться монстра, что убивает саму Скверну!

– Милостивые Боги... – прошептал старик. – Я, я не хотел. Прости меня, но мои люди... я думал...

– Я знаю, – убийца развернулся и пошёл к столу. Давление в воздухе разом сошло на нет. Подхватив меч, парень неспешно вернул его в ножны и зашагал дальше – к шкурам, лежащим на полу у входа. Когда он поднял их и перекинул через плечо, до старика донеслись слова:

– Оставь монеты для тех, чьих любимых забрала Скверна, а мне скажи лишь одно. Кто в этой дыре заплатит мне за две шкуры?

– Ш-ш-шкуры от-от... – чертыхнувшись старик перевёл дыхание, уняв сердце. – Отнеси шкуры Сиромэ, изба по правую руку от ворот. Он найдёт, куда их приладить и заплатит.

Убийца, не прощаясь, вышел из избы и больше никто не видел его в деревне Дубки. Впрочем, люди с тех самых пор перестали пропадать в лесу. По крайней мере, часто.

= = Сноски = =

1) Зарецвет – дикий жёлтый цветок, раскрывающий бутоны только на заре и быстро отцветающий. Распространённое лекарство от кожных заболеваний. На вкус очень горек, от чего в народе зовётся «плевацвет».

Если от главных ворот Триозёрья пойти налево, мимо красиво отделанных домов купцов и простецких, но хорошо срубленных жилищ рабочих плотницкой артели. Свернуть возле дозорной башни направо, в неприметный проулок меж двух улиц, прошагать ещё с полсотни метров, то окажешься перед двухстворчатой дверью красного дерева. Она закрыта практически весь день, однако ближе к вечеру, в то самое время, когда каждый крестьянин возвращается с полей, предвкушая встречу с горячим ужином и любящей женой, можно обнаружить дверь не запертой. Стоит толкнуть её в тот предвечерний час, и она с лёгкостью распахнётся, впуская тебя в царство старого Корнелиуса.

Широкий холл начинается двумя рядами крепких деревянных стеллажей, разделяющих его на три части. Слева, на стене, всегда висят картины или расписные ковры из далёкого королевства Ла-Стикса. Изредка на ней можно увидеть искусно выполненные мечи, кинжалы, а порой и копья. Но они, скорее, произведения искусства, чем настоящее оружие. Ведь никому в здравом уме не придёт в голову купить цветастый, сверкающий меч за две, а то и три золотые монеты. В бою не до красивой резьбы и инкрустаций камнями, куда важнее острота, баланс и добротность клинка. Никаких блестяшек, никакой глупой красоты. Если кто-то скажет вам иное, смело плюйте ему в лицо.

На правой стене Корнелиус часто выставляет шкуры: отделанные, дублёные, реже высушенные. Одним словом, на любой вкус, цвет и, разумеется, кошелёк. Рыжий алэнео, серебристый иглошкур, топляк, изоведь – множество трофеев разнообразных чудовищ. Такие способны украсить покои и торговца, и принца, лишь бы у того водились звонкие монеты.

Но среди всего разнообразия представленных товаров главное и почётнейшее место занимают камни Скверны, или же Нигматические камни: чудотворные образования, зарождающиеся в телах тех самых чудовищ, чьи шкуры висят на правой стене. Именно эти неприметные с виду разноцветные камушки – сокровища Корнелиуса. Ведь он никто иной, как главный антиквар Триозёрья. А по совместительству первый спонсор некоего охотника за камнями Скверны, Веруса.

Двустворчатые двери распахнулись, не издав ни единого скрипа петель. Корнелиус, сидящий в удобном мягком кресле, повернул голову, отвлѣкшись от изучения свитка скорее ощутив лёгкий сквозняк, чем услышав что-то. Глубоко посаженные глаза пробежались по вошедшей фигуре, обвисшие щѣки вздрогнули от приторной улыбки растянувшей губы. Отложив свиток на край прилавка, антиквар приподнялся из кресла, в приветствии взмахнув рукой:

– Рад видеть тебя. Давненько не появлялся, неужто жизнь оказалась не так сладка, как стоны юных дев?

– Твоя жена наверняка обрадуется, услышав это. Или ты и её уже умудрился променять на горстку монет?

Пришедший быстро пересѣк помещение, остановившись у прилавка. Тёмный изодранный плащ обдал антиквара адским зловонием, в котором смешалась кровь, пот и фекалии, но тот и носом не повѣл, привык за годы работы с охотниками. Вместо этого, он раскинул руки, расхохотавшись:

– Что ты, что ты! Никогда в жизни! Моя София – вечная любовь, да пусть небеса будут

мне...

– Прекращай это, Корнел. Даже я переживаю, что однажды они не выдержат твоих клятв и направят чью-то руку с ножом тебе в живот, – посетитель чуть склонился над прилавком и прошептал конец фразы. – Возможно, и не раз...

Торгаш выпучил глаза в притворном удивлении:

– Что ты такое говоришь, Верус? Как же можно? Меня да в живот, – похлопав ладонями по выпирающему мамону, туго обтянутому шёлковым халатом, выпалил Корнелиус. – Это тело священо, как сами небеса!

В ответ пришедший лишь цокнул языком да покачал головой. Ему не хотелось спорить с неисправимым в своём вечном пренебрежении Сущностями и Богами торгошом. Можно подумать ежедневная возня с камнями Фрома и шкурами чудовищ, заставила того поверить в собственную неуязвимость. Конечно, в этом была не только глупая бравада, никто не может отрицать, как важен этот человек. Без малого двадцать лет он единолично управляет потоками большинства ингредиентов для зелий, настоек, мазей и ядов. Но в тоже время с каждым годом увеличивался не только его живот, но и количество мужчин желающих прирезать его во сне. В конце концов, вечная любовь София была седьмой пассией за те два года, что они с Верусом знакомы. А сколько таких девиц было у него всего на одну холодную ночь?

– Ну, ладно. Как бы ты не воротил нос, я знаю, что именно ты будешь первым, кто найдёт подлеца и вспорот ему брюхо от паха до самого рта! Если, конечно, вообще найдётся смельчак, решившийся пырнуть меня ножом!

Весело расхотавшись, торговец хлопнул по прилавку пухлой ладонью. На пальцах блеснули три кольца. Как знал охотник, по крайней мере, одно из них могло выпустить заклинание на вроде водяного потока. В общем-то жест был не двусмысленный, толстяк явно намекал, что сумеет постоять за себя.

– Не хочется признавать, но, пожалуй, да... – тихо ответил голос из-под капюшона.

– Вот! Видишь, мой живот в безопасности! – окончательно встав из кресла, закончил Корнелиус. Подхватив свиток, до этого отложенный в сторону, аккуратно свернул его, перетянув тоненькой верёвочкой. Пока пальцы ловко вязали узел, глаза неотрывно следили за гостем. – Ну, так что, с чем пожаловал в этот раз, парень? Добыл очередной камушек, а? Ну, давай не томи, выкладывай всё как на духу. Дядя Корнелиус не обидит дорогого друга монетой! И сними ты уже свой дурацкий намордник, хоть в глаза твои бесстыжие посмотрю!

Завязав узелок, торговец быстро наклонился, убрав свиток во внутреннее пространство прилавка. Разогнув спину, он протяжно вздохнул, словно только что самолично прикончил алэнео, и вновь посмотрел на гостя. Тот не торопился снимать капюшон, вместо этого нервно осмотрелся.

– Да брось! Что думаешь, я предложил бы тебе это, будь здесь хоть кто-то, кроме нас двоих? Про моих мальчиков можешь не переживать, сам знаешь, они у меня смиренные малые.

– Да уж, смиренные... – протянул молодой воин, припомнив пару историй с участием братьев-близнецов, охранников Корнелиуса. Сейчас они наверняка скрываются где-то поблизости, внимательно следя за разговором. Но даже чутья мечника не хватало, чтобы обнаружить их. Ведь оба брата обладали даром крови, как и он сам.

– Видать не так сильно доверяешь мне, а, братец-Верус?

Отмахнувшись от воспоминаний о братьях, гость буркнул что-то себе под нос, от чего улыбка вновь скользнула на толстое лицо торгоша. Медленно, можно сказать, через силу

поднял руку, взявшись за край капюшона и резким движением скинул его с головы. Перед антикваром предстало юное лицо парня. Голубые глаза с коричневатыми прожилками смотрели с прищуром. Тонкие губы изогнулись в ухмылке, оголившей краешки зубов. Почти детская щетина окаймляла крупный подбородок, немного заходя на скулы. Широкий нос, придающий лицу чрезмерную для юного возраста тяжесть, был сломан. Заметная неровность на переносице, могла бы привлечь чьё-нибудь внимание на безлюдной дороге, вот только всё внимание перетягивал на себя жуткий шрам. Он пересекал губы и, на самую малость не доходя до правого глаза, продолжался на лбу. Тёмные, коротко остриженные волосы, чуть прикрывали середину лба, ясно давая понять, что на нём нет ни следа морщин. Да и откуда им взяться, если парню от силы лет двадцать.

– Ох, ну и ну! Каждый раз как в первый! Вот хоть убей меня, но забываю, что ты ещё пацан!

– Некоторые и до моих лет не доживают... старик, – сухо бросил в ответ боец, поправив скинутый капюшон и откинув полу плаща. – Но ты-то у нас священен, как чёртовы яйца Бадлинга.

– Ого! Теперь и ты богохульствуешь, парень! Как же так? – вскинув руки к небу, воскликнул антиквар. Но его зоркий прищур не упустил движения собеседника. – Что это ты там достаёшь? – мгновенно сменив шутливую манеру речи на серьёзную, закончил он.

– Вот что, – с этими словами Верус выудил из-за пазухи маленький мешочек и вытряхнул содержимое на прилавок. Жёлтый камень с тонким звоном упал на деревянную столешницу. Прокатившись пару сантиметров замер, поблёскивая в свете масляной лампы.

– Ох, ты ж, святые реки Бадлинга! Какой размер! – купец согнулся над камнем. В его руке словно по волшебству возникло тонкое стёклышко в оправе. Нацелив его на жёлтого проказника, мужчина с упоением начал изучать экземпляр. Он то и дело приговаривал, восхваляя всех Богов, которых мог упомянуть, пока, наконец, не оторвал взгляд и не спросил у охотника: – Продаёшь сразу, или хочешь, чтобы я попридержал у себя?

По выражению Корнелиуса тот сразу же понял, какого ответа от него ждут. Не став разочаровывать старого знакомого кивнул:

– Сразу.

– Отлично! – ярко вспыхнув румянцем, антиквар смёл камень с прилавка одним движением руки, а в следующую секунду уже укладывал его на весы. – Так, так, так... Посмотрим, посмотрим, что тут у нас? Почти двести грамм, если быть точным одна сотня девять десятков и четыре грамма. Какой прекрасный экземпляр! Просто чудесно, Верус, кого же ты прикончил, а? – радостный взор вернулся к молодому парню.

– Да так, одного живучего засранца, – отмахнулся от расспросов тот.

– Что же, – по лицу было ясно, что торгашу без разницы, кто умер ради камня. – Раз не хочешь рассказывать, не надо. Главное, что ты принёс его сюда, – сделав особый акцент на «его», ответил торговец, закончив взвешивание.

Подхватив Нигматический камень с весов, он перенёс его на небольшой столик в углу. На нём располагался странный механизм, состоящий из десятков тонких железных трубок и креплений. Отогнув четыре из них, антиквар на несколько секунд погрузился в размышления и добавил пятую. Аккуратно закрепив камень на причудливом устройстве, вынул с нижней полки небольшой чан и поставил под устройство. Наконец, выудив из пол халата маленький флакончик, Корнелиус выдернул пробку и почти что трясущимися руками капнул одну единственную каплю на жёлтый камень: густая вязкая жижи едва соприкоснувшись с

поверхностью, ярко вспыхнула.

– Да, как и думал. Яркий жёлтый с примесью оранжевого – категория три минус, неплохо, неплохо... – закрыв флакон и убрав обратно в складки халата, антиквар развернулся к любимому клиенту. На толстом оплывшем лице застыло надрывное выражение. Внутри торговца шла ожесточённая борьба.

– Если ты назовёшь меньше двенадцати, я больше и шага в эту халупу не сделаю... – предупреждая произнёс мечник, облокотившись на прилавок и наблюдая за махинациями старого знакомого.

– Двенадцать?! Да, это же грабёж! Грабёж среди бела дня!

– Вообще-то уже давно вечер, – указав за спину в сторону выхода, вставил юноша. Короткий смешок не ускользнул от внимания Корнелиуса, но он предпочёл пропустить его мимо ушей.

– Что? Да, какая разница?! О, Премудрый Астериа-Метронтас (1), укажи этому заблудшему дитя, что цифры придумали не для того, чтобы называть их невпопад! – мгновенно сократив расстояние, торговец схватил юношу за руку. – Хотя бы десять! Десять серебряных, прямо сейчас!

Верус выдернул руку из липких ладоней и отстранился от разъяренного мужчины. Его голубые глаза сверкнули холодом:

– Одиннадцать и не полсеребреником меньше...

– Десять серебряных и двадцать медяков! Сжался, юный господин!

– Что?! Да ты за кого меня принимаешь, Корнел? Двадцать медяков? Сорок и, возможно, я подумаю!

– Да, простит тебя Астериа-Метронтас за тяжкие грехи... Пусть будет тридцать пять.

– По рукам! – резко оживился охотник, протягивая только что освобождённую от потных ладоней руку обратно торговцу. Крепкое рукопожатие завершило сделку, вместе с тем воин не спешил отпускать торговца. – Сколько у тебя сейчас красных?

– Хм... – задумался Корнел. – Дай подумать. Около двадцати, но парочка совсем хилые. Едва-едва зародившиеся. А что, желаешь получить плату ими?

В ответ боец медленно кивнул, заодно отпустив потную руку толстяка:

– Заберу на десять серебреников.

Получив причитающиеся и попрощавшись с давним знакомым, мечник покинул антикварную лавку. За разговорами и спорами вечер практически сменился ночью. В тёмном проулке не было ни души. Лишь дворовые собаки лаяли где-то за заборами богатых домов. Но это мало волновало его, закончив с делами, юный наёмник собирался посетить ещё одно место.

Рысак полнился шумом голосов, когда через скрипучую дверь в него вошёл ещё один клиент, с ног до головы обмотанный тряпьем, с низко накинутым капюшоном и отвратным запахом. Но из всех мужиков, собравшихся этим вечером выпить и отдохнуть, на него посмотрело от силы три-четыре человека. Одним из них был Лёшка. Резко захлопнув рот на середине рассказа, молодой отец четверых детей с ужасом уставился на вошедшего. Тот не останавливаясь, прошёл мимо его стола, и головой не поведя.

Сглотнув подступивший к горлу ком, сказочник проводил нового знакомого взглядом до самой стойки, за которой, как обычно, стоял хозяин заведения. Тот поприветствовал очередного клиента и принял заказ. После незнакомец в рваном плаще спокойно углубился в

трактир. Найдя спокойное местечко, уселся на стул, поправив стол и стряхнув с него крошки. А затем тёмная дыра капюшона на мгновение замерла по направлению к Алёшке, и жуткий мужик кивнул ему.

– Да, сохранит меня Шестёрка! – выдохнул парень, мгновенно отворачиваясь от приветливого монстра.

– Что случилось, Лёх? Перебрал что ли? – поинтересовался у него знакомый, сидящий напротив. – Мы же только по две кружки выпили? А ты зелёный как ящерица. Никак ослаб после встречи с... – тут он сделал паузу, обведя собравшихся за столом друзей взглядом, – ... гильдией убийц... – шёпотом закончив речь, он пару секунд терпеливо выжидал, но, в конце концов, не выдержал и вместе с остальными разразился диким хохотом.

– Точно, точно! Это вам не с волками драться да от медведей убежать! Тут дело серьёзное, – поддержал веселье пройдоха Сун.

– Да, заткнитесь вы, бесы! Без вас тошно! – в ответ несчастный Лёшка услышал лишь смех и улюлюканье, а где-то позади, за столом в тени от масляных ламп сидел он. Тот самый монстр, в которого никто не верил.

В отличие от трясущегося на стуле парнишки, он сидел спокойно, даже слегка вальяжно. Широко расставив ноги и удобно устроившись, наблюдал за извечной картиной таверны. Выпивающие и ужинающие работники плотницкой артели, по крайней мере, те из них, кто жил снаружи от стены. Землерои, собирающиеся со всего Триозёрья и окрестных деревень. Редкие торговцы, заглянувшие в город по делам и решившие передохнуть в Рысаке. Последние чаще снимали одну из четырёх уютных комнат, отгороженных от общего зала таверны. Туда в основном и бегала дочь Вонга или её напарница по работе разносчицей, местная сирота. Верус не помнил, как её звали, но она хорошо помнила его.

– Добрый вечер отважный воин, – проворковала слегка пухленькая девушка, замерев у стола. – Уже вернулся с ратных дел?

Приподняв голову, парень взглянул на неё. Сегодня у него было то самое настроение, очередное дело завершено, карман оттягивают новенькие ядра Фрома, а раны почти зажили.

– Привет, красавица. Как же я могу покинуть, такую милую леди.

– Ой! Да, будет тебе! – девушка, мгновенно залившись румянцем, шагнула к нему, будто невзначай толкнув бедром в плечо. – Какая ещё леди? Никак с купеческой дочкой перепутал?

– Как можно? Что бы я да перепутал?!

– Даже не отрицаешь, злодей?! – юная прелестница отстранилась от него, надув губки. – Пропал, словно рекой Бадлинга унесло, а теперь милуешься!

В ответ мужчина лишь улыбнулся:

– Ну, будет. Сама же знаешь – монеты сами в карман не прыгают.

– Мог бы хоть словом обмолвиться, – продолжала наседать знакомая. – Ладно, шут с тобой. Что принести?

– Я уже заказал у Вонга, – парень откинулся от стола, мазнув взглядом по девушке. – Но, кажется, кое-что всё-таки забыл.

– Да? И что же? – притворно удивилась та.

– Подойди поближе, шепну на ушко...

На утро воин проснулся в серой подсобке Рысака. Первые солнечные лучи прорезались сквозь щели в настиле, пересекая маленькую комнатку, переделанную под спальню. Пухленькая сирота спала, прижавшись к его спине крупными достоинствами. Стараясь не

разбудить хоть и простоватую, но всё равно милую «леди» охотник аккуратно снял с себя её руку и сел на краю соломенной кровати. Силы полностью вернулись к нему.

Уже пять дней прошло после сражения с прокажённым оленем, но рана на груди всё ещё побаливала, к несчастью, несколько раз напомнив о себе этой ночью. Укус на руке, выглядел куда лучше, почти полностью исчезнув. И, тем не менее, парень чувствовал себя превосходно. Встав и поправив накидку, под которой оба спали, он нашёл на полу одежду. И, когда уже затягивал ремни, готовясь накинуть сверху наспех зашитый плащ, сзади донёлся обиженный голос:

– Снова хотел уйти не попрощавшись?

Замерев с оттянутым ремнём на наруче, Верус не смог сдержать улыбки:

– Не хотел будить, вот и всё.

– Конечно... – голос упал на пару октав, превратившись в еле-еле различимый шёпот. И в голове сразу же вспыхнул инстинкт убийства. Печальный шёпот несчастной девушки оказался слишком похож на вездесущий шёпот Скверны. С трудом подавив первоначальный импульс, молодой мужчина замер, а она продолжала, даже не догадываясь, о чём он думал: – Я... я понимаю, что для странствующего рыцаря у меня ничего нет. Я сирота и... и едва ли свожу концы с концами, но... но я правда люблю тебя!

– Знаю, красавица... – Верус развернулся и посмотрел прямо на сжавшуюся на кровати девушку. Она натянула накидку из шкуры, стиснув край у самого горла. По её щекам текли слёзы. Одно единственное мгновение, он хотел дёрнуть ремень до отказа, накрепко закрепив наруч, развернуться и уйти. Вот только... он не собирался в ближайшее время переезжать. Зачем ломать то, что прекрасно работает? Он всегда был прагматичным человеком, и поэтому: – Сегодня я никуда не уйду... Купец много заплатил, – словно подтверждая свои слова он выудил из кармана серебряную монету, подкинув её большим пальцем. Серебренник взмыл в воздух, отразив свет солнца, пробивающийся через крышу. Девушка удивлённо распахнула глаза, до конца не веря в то, что слышит, но всем телом потянувшись к своему «принцу»:

– Это значит? Это...

– Я остаюсь тут на месяц или немногим больше. Кто знает, как быстро мы с тобой потратим его, – поймав монету, закончил улыбающийся охотник.

=== Сноски ===

(1) Астериа-Метронтас (Считающий звёзды) – Бог знаний, строительства и астрономии. Считается вторым после Вектора (2) Богом пантеона Вечной Шестёрки. В сказаниях чаще всего выступает молодым статным мужчиной, направляющим сильных мира сего на верный путь, указывающим правильные решения, своим апостолам и верующим Вечной Шестёрки. Так же он является главным действующим лицом «Легенды о становлении мира».

(2) Вектор – Бог порядка и справедливости, реже фигурирует как «Дух Мщения», первый среди равных, главный Бог пантеона Вечной Шестёрки. За историю Старсии ни один воитель или маг, утверждающий, что является апостолом Вектора, так и не смогли доказать это.

(3) Курс валют. В Воргосской Империи ходят четыре вида монет: медная, серебряная, золотая и нигматическая. В зависимости от качества и целостности примерно за пятьдесят медяков можно выменять серебренник. В свою очередь сто серебряных монет равнозначны одному золотому. В церкви Шестерых можно обменять пять золотых монет на одну нигматическую, впрочем, расплатиться ей получится лишь в храмах Вечной Шестёрки или

ордене Проснувшихся. Из-за чрезвычайной ценности, нигматами пользуются лишь Лорды и члены королевского двора.

Глава 5 – По два серебряника за брата

С памятного разговора прошёл месяц: мир преобразился, весна окончательно уступила место новому сезону. Держалась теплая, почти жаркая погода, небо изредка затягивало тучами, и шли дожди, но в основном над головой расстилалась чистая голубая гладь, с редкими перистыми облачками. Поля покрылись прекрасной зеленью и летними цветами. Деревья радостно впитывали солнечный свет зелёными листочками, а Верус с неохотой отмечал нарастающую боль в груди, время жертвы неумолимо приближалось.

Промотав серебряник, молодой охотник за Нигматическими камнями, уже неделю искал новое дельце. Но ни старина Вонг, ни антиквар, не спешили подбросить работу. В округе будто вся нечисть перевелась. Крестьянин радовался как никогда, не уставая благодарить Богов, Верус же всё сильнее впадал в уныние. Так в один из погожих деньков наш герой зашёл в любимую таверну, как обычно, поприветствовав хозяина, заказал пару кружечек медовухи. Отсалютовал его дочери, что в этот день разносила заказы, и прошёл вглубь зала. Устроившись за одним из свободных столов, дождался, пока девушка принесёт выпивку, и поднял первую кружку:

– Если так пойдёт и дальше, то придётся тратить запасы, – тихо пробубнил парень вместо тоста. – Куда же податься? Может на восток? Как же зовётся та деревня? Синий пруд или... ручей. Точно! Синий ручей, – рука вновь подняла кружку, опрокинув содержимое в рот. Терпкий напиток, согрел нутро, вместе с тем признаков опьянения не было. Не огорчаясь, Верус принялся за вторую.

Когда на столе в ряд встали три опустевших кружки, он немного пришёл в себя. Печаль отступила, оставив его один на один с затуманившимся рассудком. Таверна смазалась, лица немногих посетителей растворялись, стираясь из памяти, стоило лишь отвести взгляд, мысли замедлили свой ход.

– «Чёрт! Кажется, хватит с меня», – спохватился охотник и, ощутив первые признаки насыщения, тут же отодвинул кружку, развалившись на стуле. Он не ставил себе цель напиться, лишь немного расслабиться, не более. Последние дни его настрой куда-то улетучивался: прилипала-Людина, та самая полненькая простачка, согревающая по ночам, начала раздражать. Это случалось всякий раз, стоило ему задержаться в Триозёрье. Внимание и вечные разговоры об их будущем счастье, выводили его из себя.

Людина была хорошей, спокойной девушкой, но в свои двадцать так и не обзавелась семьёй, что по меркам общества считалось тяжким грузом. Как правило молодняк скреплял отношения узами брака в районе четырнадцати – пятнадцати лет. До двадцатилетия в одиночестве доживали совсем плохие или убогие. В случае его пассивности проблема заключалась в отсутствие хоть кого-то приданного. Само собой, от девушек, обделённых даром крови, по большей части ожидали лишь детей, но круглая сирота без крыши над головой, совсем другое дело.

Второй преградой на её пути к счастью, оставалась его собственная персона. Девушка просто не обращала внимания на ухаживания других парней, поставив себе целью охмурить не кого-нибудь, а, как она думала, странствующего рыцаря, свободного от крестьянских повинностей. В целом идея замечательная, вот только сам Верус лишь играл на чувствах доверчивой девы, совершенно не планируя ограничивать себя семьёй и детьми. Такая чепуха, совершенно его не интересовала.

– «Неотёсанная деревенщина! Какое может быть счастье с такой, как ты?! К тому же, мне по-прежнему нельзя останавливаться!» – опустив затуманенный взор на собственную грудь, охотник за камнями Скверны коснулся её рукой. Мысли стремились в прошлое, туда, где он являлся одним из сотни учеников ордена Проснувшихся. Во времена «беззаботного» детства, когда проклятые Богами камни не были ему нужны.

– Так ведь? – печальный вопрос не удержался в клетке мыслей, вырвавшись на свободу, тихим шепотом. От чего молодой воин усмехнулся, как вдруг:

– ... рус? – послышалось слева. Резко убрав руку от груди, он вскинул голову по направлению к говорящему. Рядом со столом замер странный тип. Он, не отрываясь, смотрел на него, чего-то ожидая.

– Тебе чего? – буркнул мечник, размышляя, в самом ли деле видит кого-то, или же третья кружка оказалась лишней.

– Я спросил вы ли тот, кого зовут Верусом? – витиеватая манера речи, мгновенно выдала в пришельце, человека высоких кровей. А одежда, напротив, словно умоляла принять за местного селянина или бедного торговца. Удивившись такой странности, наёмник пригляделся к нему получше. Под грязной накидкой из грубой кожи виднелась опрятная рубаха и кафтан серых тонов. На ногах у незнакомца красовались самые настоящие сапоги. В общем без труда можно было узнать в нём того, кто пытается выдать себя за низкокровного дворнягу, но не знает как. Что говорить, мужик не додумался поменять кожаные сапоги на что-то вроде лаптей или деревянных колодок, что носили большинство простолюдинов. Крепкие ботинки или тем более сапоги могли позволить себе странствующие рыцари, богатые купцы или высококровные. Но точно не простой странник в грязной, грубой накидке.

– «Что за нелепица? Припёрся в таверну, где каждая собака знает друг друга в лицо, да ещё и вырядился как шут?» – пронеслось в голове парня, но вслух он сказал совсем другое:

– Да, это я.

В ответ незнакомец кивнул и, указав на стул напротив, спросил:

– Присяду к вам?

– Валяй.

Оглянувшись по сторонам, чем привлёк ненужное внимание окружающих, странный гость отодвинул стул и сел. До воина донёлся знакомый, неприятный запах. Но он быстро отбросил это, гораздо сильнее волновало ненужное внимание, которое привлекал глупый высококровный каждым неловким движением. Поправив неудобно сидящую накидку, тот сам задрал её, из-за чего край серой рубахи на миг выглянул на всеобщее обозрение. Но мужик даже не заметил, облегчённо вздохнул и вновь раскрыл рот:

– Мне посоветовал вас местный антиквар, расхваливал ваши не дюжие таланты и умение сохранять тайны. Что, в свою очередь, побудило меня прийти в это... – бросив презрительный взгляд на таверну, гость подобрал нужное слово, – ... место. В ваших поисках, разумеется.

– Ага, – кивнул Верус, разрываясь между желанием выбить из идиота всю спесь и рассмеяться ему в лицо. Если бы существовал неписанный свод правил для начинающих убийц и воров, рассказывающий как надо маскироваться и не привлекать внимания, то этот мужик непременно нарушил бы каждый из пунктов! Просто смешно! К тому же, с чего высококровный решил сам прийти в такое место, как он сам выразился? У него закончились слуги или что? Пока быстро трезвеющий охотник размышлял, гость, удовлетворённый

кивком, заметно просветлел лицом:

– Отлично! Тогда вы тот самый человек, что мне нужен!

От громкого вопля Верус едва не придушил его. С горем пополам сдержавшись, показал жест рукой, призывая соблюдать осторожность.

– Ох, простите, не привык говорить шёпотом, – неожиданно смиренно извинился высококровный, чем ещё больше удивил мечника. Чтобы кто-то из родившихся с серебряной ложкой в заднице оказался так мил? Да, не в жизнь! А тот тем временем продолжал: – Видите ли, дело в том, что я не могу обратиться в церковь Шестерых с прошением. Хотелось бы сохранить инкогнито, если вы понимаете, о чём я. Как бы то ни было, дело не терпит отлагательств, а обычный наёмник или группа рыцарей с низким даром крови, могут не справиться.

– Судя по всему, вы – человек высоких кровей, я прав? – перебил его Верус, однако тот и бровью не повёл, легко проглотив оскорбление и ответив:

– Вы поняли верно.

– Тогда почему бы вам не воспользоваться правом знати на сохранение тени? Церковь не может потребовать от вас подтвердить личность.

– Да, без сомнения, и в обычных обстоятельствах я бы так и поступил, не раздумывая. Но прямо сейчас дело обстоит иначе, я могу рассчитывать только на наёмников или господ вашей профессии.

– Охотников за Нигматическими камнями? Значит, дело в чудовищах? – потянулся к кружке мечник, но вовремя спохватился, все три давно были пусты. Заметив движение, замаскированный дворянин поднял руку, подзывая служанку. Уже через десять секунд рядом с их столом остановилась дочь Вонга:

– Чего вам, господа?

– Ещё одну кружку моему другу, – улыбнулся мужчина, безбожно раскрывая свой маскарад. Если бы девушка была поглупее, то не смогла бы сдержать удивления и начала бы откровенно пялиться на потрясающую дух одежду, скрытую под грязной накидкой. От лицемерия происходящего Верус едва ли не сполз с табурета. Весь этот разговор, да и ситуация в целом начинали напоминать ему бредовый сон. А «гениальный лазутчик» продолжал: – Мне бокал вина.

Тут служанка не выдержала и вопрошающе посмотрела на ёрзавшего на стуле знакомого. Тот прекрасно понял её немой вопрос, в таверне отродясь не водилось никакого вина. Пиво, медовуха, сидр – всё, что нужно после тяжёлого дня или долгого пути. Поэтому, воин решил спасти положение, вклинившись в разговор:

– Ему тоже медовуху, красавица. Человек устал с дороги, мысли путаются.

– Хорошо, две кружки медовухи. Сейчас принесу, – благодарно улыбнувшись парню, дочь Вонга исчезла среди столов.

– Я сказал что-то не то, верно? – тихо спросил дворянин. Судя по морщине, пролёгшей на лбу, он всё же занервничал.

– Ага, вроде того. А ещё она сразу же заметила ваш... маскарад... милорд.

– Не может быть! – громче, чем следовало, воскликнул гость, удивлённо расширив глаза, – Но как? Я ведь специально надел это, – он резко сбавил тон, спохватившись. Правда вместе с тем неловко вскинул руку и приподнял подол грязной накидки, вновь выставляя напоказ край рубахи.

– У ворота видно, – окончательно махнув рукой на идиота, ответил наёмник и

напомнил: – Что на счёт задания? Дело связано с чудовищами?

Высококровный незнакомец спешно оглянулся по сторонам, чем снова привлёк парочку удивлённых взглядов и взбесил собеседника. Затем пододвинулся чуть ближе, нависнув над столом, и прошептал:

– Да... Они, несомненно, чудовища! Только монстры способны на такое. Видишь ли, мои братья... они с детства были неуправляемы. Вечно попадали в передраги и тянули меня за собой, но я, слава Вечной Шестёрке, сумел сохранить самообладание. Никогда не лез в авантюры, прилежно следовал наставлениям отца. Учил арифметику, чтобы продолжить его де...

– Стой! Меня это не волнует. Что за чудовища? Где они? Сколько заплатишь? На этом всё, – почти прорычал Верус. После чего схватил кружку, только что принесённую служанкой и опрокинул терпкий напиток в рот. Насколько ему не хотелось этого делать, но чёртов гад так напрягал мозги, что небольшое помутнение оказалось просто необходимо!

Тут дворянин не выдержал:

– Да как ты... – начал было, он возмущаться, но быстро подавил гнев, закрыв глаза и рот. Пару секунд высококровный так и сидел, приходя в себя, затем открыл их и строго произнёс: – То, что я скрываю свою личность, не даёт право низкокровному, вроде тебя, переходить границы дозволенного. Я – дворянин, а ты обычный наёмник, пусть и с даром крови. Так что попридержи язык.

– «Да ты, верно, издеваешься?! Если цена окажется мала, выпущу тебе кишки до наступления ночи, грязный ублюдок! Посмотрим, какова твоя кровь на цвет!» – подумал Верус, едва не раскрошив ручку кружки, всё ещё сжимаемую пальцами. Умом он понимал, что, совершив нечто подобное, закажет себе путешествие в следующий город без возможности вернуться сюда в ближайшие пару лет, но это умом. Дрянной же характер и медовуха говорили иначе. Не догадываясь о нависшей угрозе, гость продолжал свой «увлекательный» рассказ:

– Что ж, пока оставим это. По поводу чудовищ, мои братья и есть чудовища! Эти подлецы вернулись в отчий дом после очередного приключения переплюнув все прошлые разы. Где-то раздобыв странную книгу, они были будто сами не свои. Поднялись крики, я вышел на лестницу... Они стали монстрами! П-прежде я никогда такого не видел, – голос дворянина упал до тихого шёпота, глаза блуждали, но Верус чувствовал проступающую сквозь все щели фальшь. А мужчина продолжал жуткий рассказ:

– Эти безумцы... они убили собственного отца! А вместе с ним и всю прислугу. Я сам на силу выжил. Если бы не подвиг рыцарей, что охраняли меня... Ажно думать не хочется.

Наступила тишина. Неудачливый дворянин смолк, опустив взгляд в кружку с медовухой, вот только охотник жил на свете не первый день. Кем бы ни был человек сидящий перед ним, он наверняка не жалел о смерти отца. Единственное что его заботило – это братья, выгнавшие его из дома. Но, тем не менее, воин продолжал слушать, терпеливо дожидаясь цены за свои... мучения.

– Я и несколько верных слуг бежали из поместья под покровом ночи. Преодолев долгий и трудный путь, я прибыл в Триозёрье. Ища поддержки у старых друзей и коллег по ремеслу, но в итоге нашёл вас, – мужчина расплылся в светлой улыбке, будто преодолевая боль. – Помогите мне очистить родовое гнездо от подлых захватчиков. Изведите зло, проникшее в доселе прекраснейшее место. Помогите вернуть покой почившему отцу и предкам! Да будет их путь светел в царстве Вечной Шестёрки!

– «Ох, какая красота, да от его речей, должно быть, вянут цветы в полях... хотя меня скорее блевать тянет... лживый поганец...»

– Твои братья, во что они обратились?

– В монстров, дорогой друг, в монстров!

– «Чёртов кретин!!!» – на лице терпеливого наёмника задёргался мускул. – Внешность, – едва не прошипел он. – Как изменилась их внешность?

– О, вы об этом? Когда я спасался, они были всё теми же.

Услышав такое, Верус чуть не схватил идиота за грудки и не выволок из таверны на людную площадь, где непременно вспорол бы последнему брюхо. Однако, ангельское терпение и присущая с рождения доброта, остановили, было, поднятые руки. Опустив их на стол, боец протяжно вздохнул и, улыбнувшись самой прекрасной и доброй улыбкой, уточнил ещё раз:

– Так почему же вы считаете их монстрами, милорд? Что если они просто решили подвинуть теб... вас с насиженного места и захватить... чем вы там управляли с отцом?

– Я из семьи Вонó, мы – вассалы Лорда Триозёрья, младшие князя. Мне принадлежит часть леса и обширные охотничьи угодья в районе деревни Бави. Кроме неё на моей земле расположены ещё три деревеньки поменьше, но Бави, несомненно, ближе всего к поместью.

– О! Прошу простить мою грубость до этого, господин, – обозначил Верус поклон лёгким кивком головы. Собеседник в ответ лишь повёл подбородком, благосклонно приняв извинения. – Получается, вы не просто купец, что же ясно. С этим разобрались, но что насчёт первого?

– Я понимаю вашу обеспокоенность, дорогой друг. И всё же они, несомненно, жуткие монстры. Ведь из странствия братья вернулись вместе с выводком низкорослых тварей. Те разорвали рыцарей, охраняющих наш покой, в мгновение ока. И, простите, сожрали! – печально опустив голову, новоиспечённый бездомный вассал, позволил паузе затянуться. Подчёркивая его печаль. Затем поднял грустный взгляд и продолжил. – Мой отец пал от их руки. Братья повелевали этими жуткими существами, пока те разрывали его на части.

– «И пока ты наблюдал за этим. Какая прелесть, чуждая семейка».

– Ладно, я понял, – кивнул Верус, переходя на серьёзный тон. – Они похожи на одержимых или культистов. Карлики, судя по всему, лесные старички. Рыцари, что служили у вас, обладали даром крови?

– К сожалению, нет, кроме тех, четверых, что героически спасли меня и пытались спасти отца, но не преуспели.

– С этим понятно, но я до сих пор не вразумлю, от чего вы не пошли в церковь Шестерых? Ведь таким обычно занимаются апостолы?

На мгновение высококровный замер, размышляя над ответом. Его глаза изучали Веруса, а пальцы ритмично постукивали по столешнице. К слову, мужчина так и не притронулся к заказанному напитку. Медовуха сиротливо стояла перед ним, привлекая внимание воина, успевшего опустошить четвёртую кружку. Разговор с высококровным шёл до ужаса тяжело и нервно. Пока тот молчал, молодой охотник вновь ощутил странный запах. На этот раз он определённо доносился от одежды собеседника. Навязчивое чувство опасности, ожило на краю сознания, неопределённые образы трепетали на грани восприятия, напоминая эффект паров Скверны.

– «Знакомое чувство. Неужели это Скверна? Этот идиот всё ещё воняет ей, хотя прошло несколько дней? Насколько же плотна завеса в его доме? Или...»

– Всё дело в книге, – прервал молчание мелкий землевладелец, возвращая Веруса к разговору. – Я хочу забрать её, чтобы изучить и оградить себя от подобных бед в будущем.

– Изучить, значит? Твои братья уже изучили, – лихой наёмник вновь забыл вежливое обращение, сосредоточившись на странном вельможе. – Как видишь, ничего хорошего из этого не вышло.

– Они глупы от рождения, – высококровный проигнорировал грубое обращение, так же, как и Верус, сосредоточившись на важном. – Вечно встречали в похожие неприятности. Я же поступлю умнее, найму специалистов, хорошо разбирающихся в подобных реликвиях прошлого. Кто знает, как дорога эта книга?

– Понятно, – протянул Верус, допустив, что, возможно, всё дело в деньгах. – К слову о звонких монетах. Сколько я получу за помощь?

– Это зависит от результатов. Скажем, если вам удастся избавиться от чудовищ и сохранить реликвию, я заплачу... шесть серебряных монет, – наниматель отстранился от стола, выпрямив спину и приосанившись. – Ну, как? Достойная плата за ваши труды? – по его виду было понятно, что он считает названную сумму едва ли не подарком для жалкого наёмника, что лишь по стечению обстоятельств одарен божественной кровью.

– Пожалуй... – расплылся в ехидной усмешке мечник. Названная цена и близко не перекрывала возможную опасность, но, когда дело касается порождений Скверны, всегда можно рассчитывать на дополнительные источники монет. Камни Скверны ещё никто не отменял. Да и шесть серебряных, прямо скажем, на дороге не валяются. Ему хватило одного, чтобы целый месяц развлекаться с Людиной. – А если я не смогу спасти книгу?

– Что же, лучше бы ты об этом не думал, – нахмурился наниматель. – Но не будем исключать непредвиденное. Если Боги будут жестоки и такой ценный артефакт пропадёт в пожаре борьбы чудовищ. Думаю, четырёх серебряных монет тебе хватит.

– Четыре? Как вы милостивы, добрый господин. Целых две монеты, на голову брата.

– Потеря книги, для меня всё равно, что поражение. Если бы я не хотел сохранить её, то нанял бы отряд рыцарей за те самые четыре монеты, а может и того меньше.

– «Как же недорого стоят ваши жизни», – подумал Верус, протягивая руку через стол. Двое скрепили договор крепким рукопожатием.

Наутро следующего дня охотник с новоиспеченным нанимателем выехал в сторону деревни Бави. Сначала путь экипажа лежал строго на юг по широкому тракту, на нём часто встречались люди: торговцы, крестьяне и пешие путники. Когда же тракт свернул на восток, вдоль берега озера Жжёные топи, от него отделилась узкая, кривая дорога. Она сильно забирала на запад, огибая озеро по левому берегу. Деревня расположилась южнее Триозёрья, поэтому предстояло долго ехать вдоль берега.

На третий день пути, миновав две мелкие деревушки, даже не нанесённые на карты, и множество полей, странники оказались в лесу, растущем как раз вдоль берега. Тут дорога начала ещё сильнее отклоняться на запад, постепенно уходя от озера. Высококровный, едущий в повозке вместе с парочкой рыцарей и новым наёмником, встревожился, всё чаще поглядывая на подступившую с обеих сторон чащу.

– Что такое, господин? Дурные мысли мучают? – поинтересовался Верус из-за дорожной скуки.

– Почти приехали в Бави, сразу после опушки, увидим её на пологом холме, – невпопад произнёс вельможа. Хотя воин сумел сложить два и два:

– Переживаете, что братья уже наведались туда?

Высококровный мужчина повернул к нему голову, удивлённо хмыкнув:

– А вы достаточно прозорливы, друг мой. Что навело вас на эту догадку?

– Да, тут, вроде, всё просто... – Верус прямо смотрел на нанимателя. В отличие от разговора в таверне теперь тот выглядел по-настоящему. Грязная накидка исчезла, оставив после себя элегантный кафтан, пошитый серебром и серую льняную рубаху, свободно ниспадающую с хлипких плеч на живот. Рóман Вонó, так звали дворянина, не являлся толстяком, всё ж таки небольшой животик торчал, когда он сидел. Не то чтобы Верусу было, за что его ругать. Ведь тот жил обычной жизнью дворянина до этой недели: званые ужины, пиры, всегда полный стол еды и практически никакого стресса. Будь у него самого такая жизнь, он бы тоже имел брюшко.

– Вы говорили, что едва спаслись. Не думаю, что порождения, вызванные вашими братьями, так легко отпустили вас. Скорее преследовали, пока не потеряли из виду или же не вышли из зоны контроля фолианта. Бежали вы наверняка в эту самую деревню. На месте ваших братьев, я бы обязательно наведался сюда. Выяснить, где вы и не прячетесь ли среди крестьян.

– Знаете, чем больше я беседую с вами, мой друг, тем страшнее становится, – с притворной паникой произнёс высококровный. – Если все низкокровные похожи на вас... нам, дворянам, стоит начинать беспокоиться за наш образ жизни.

– Не переживайте. Я такой один, – усмехнулся мечник.

А в следующее мгновение возникший огласил округу:

– Господин, деревня! Великие Боги, что же случилось?

Все пассажиры без исключения прильнули к прорезам в рогожи. Верус слегка отодвинул грубый материал в сторону, высунув голову наружу. Перед ним предстал вид широкой опушки леса, от которой земля начинала плавно подниматься, образуя низкий холм. Зелёная трава устилала его, кое-где виднелись цветы. Пели птицы, стрекотали кузнечики и прочая живность. Чуть дальше, на вершине холма стояла деревня. Редкий чёрный дым медленно поднимался над ней, закручиваясь в вышине.

– Боги и Твари... – только и сказал охотник за камнями Скверны.

Высокий частокол, возведённый вокруг поселения, был почти уничтожен. Часть брёвен превратилась в несущую кучу на вершине холма, а другая – скатилась к подножью: обгоревшая и повреждённая древесина продолжала тлеть. Сизые изгибы дыма поднимались ввысь. Повозка, везущая наших героев, плавно замедлила ход на пути к вершине. И чем выше она забиралась, тем большая разруха представляла глазам.

– Милорд, ворота... – неуверенно произнёс один из рыцарей-стражей, что ехал вместе с Верусом и дворянином. Его голос был столь тих, что едва тревожил умы сидящих рядом. – Там были крепкие ворота.

Уловив мысль воина, охотник перевёл взгляд с уничтоженных укреплений на нечто, отдалённо напоминающее ворота деревни. Ранее крепкие, по словам латника, теперь представляли собой два покосившихся столба, один из которых едва не касался земли. Казалось, стоит дунуть на него или ненароком облокотиться, и тот окончательно рухнет. Обе створки отсутствовали, вместо них на почерневшем дереве остались лишь две рваные дыры. Места, где видимо, ранее крепились петли. Кто бы ни сорвал ворота со своего места, он должен обладать чудовищной силой.

Когда повозка поднялась на холм, и до въезда в деревню осталось меньше тридцати метров, из полуразрушенных развалин начали появляться люди. Грязные, покрытые пеплом, со странными белёсыми пятнами на одежде, они медленно показывались на глаза, при этом каждый сжимал в руках оружие. Крестьяне от мала до велика, с подозрением поглядывали на подъезжающую повозку. За пару минут перед покосившимися столбами собралось около тридцати живых душ. Откровенно сказать, немного.

Вперёд всех вышел внешне крепкий мужчина, единственный, у кого оказалось в наличии настоящее оружие – меч. Остальные держали вилы, мотыги и самодельные копья из обычных веток или тонких стволов молодых деревьев. Парочка парней натянула тетивы луков, к слову, тоже самодельных. Под направленными в его сторону стрелами и яростными взглядами, возникший затормозил лошадь:

– Тпру-у! Стой, стой! Кому говорят?! Тпру-у!

Конь остановился, пару раз взбив землю копытом, от чего поднялось облачко пепла. Люди перед деревней нервно перешёптывались, а из повозки, тем временем, выпрыгнул первый рыцарь. Облачённый в лёгкий кожаный доспех он уверенно развернулся в их сторону, намереваясь сделать первый шаг, как вдруг над холмом разнёсся голос:

– Остановись, кто бы ты ни был! – крикнул мужчина, ранее вышедший вперёд. Его грязные волосы, с засохшей в прядях кровью развевались на летнем ветерке. Суровое лицо, покрытое серой пылью не выражало ничего хорошего. Слово вековая печаль замерла на нём, превратив в маску мучения.

Поражённый этим зрелищем копейщик непроизвольно замер, так и не отойдя от повозки. Оценив толпу голодья, он плотней обхватил древко оружия. Позади него показался второй рыцарь, так же облачённый в доспех, но более тяжёлый: среди кожи проглядывали железные кольца и пластины. В руках он сжимал эфес короткого меча, на другой же держал треугольный щит, покрытый кожей.

Молча следя за появлением из повозки ратников в доспехах, толпа забеспокоилась: на лицах некоторых появились первые проблески надежды, тогда как другие стали смотреть

ещё строже и внимательнее. В конце концов, к ним могли прибыть как добрые люди, странствующие по свету и забредшие в их глушь в час нужды, так и свора бандитов.

– Кто вы такие, и как оказались здесь?! – громко выкрикнул предводитель, указав на латников остриём меча. Лезвие отразило луч солнца, красиво блеснув, но вместе с ним оба воина заметили белёсую жижу, покрывавшую его. Заметил её и Верус, спрыгнувший с другой стороны повозки. В отличие от рыцарей его доспехи скрывал рваный плащ из шкур, а лицо капюшон, из-за чего люди ещё сильнее заволновались:

– Трое... их трое...

– Боги будьте милостивы...

– Если это разбойники...

– Разве это не повозка Лорда? Там ведь семейный герб Воно, разве не так?!

– Надеюсь, это люди Лорда, пусть это будут они!

Голодьба разразилась нестройным гомоном. Когда же сам Рóман вышел к ним во всём своём великолепии дворянина, голоса разом смолкли, лица людей как будто накрыло тенью. Главный из них, словно не веря, пристально уставился на сына Лорда. Рука очень сильно сжала эфес меча, костяшки пальцев побелели:

– Ты?! – едва не прорычал он. – Как ты смеешь возвращаться сюда после всего, что натворил?!

Наёмник едва заметно дёрнулся, внимательно посмотрев на нового Лорда этих земель. Тот выглядел спокойно, даже слишком для высококровного, чьи подданные осмелились повыситься на него голос. Оглядев собравшихся, молодой мужчина в кафтане поправил ворот и произнёс:

– Я вижу, какое несчастье постигло твою деревню, поэтому не прикажу казнить.

– Казнить? – лицо предводителя крестьян покраснело от злобы. – Моя жена! Мой сын! Демоны убили их! Демоны, что пришли за тобой! Как ты...

– Те монстры охотились за мной, но я не натравливал их на твой дом. Я, как и вы, пострадал от их бесчинств! Мой дорогой отец, ваш Лорд! Демоны, что убили твоего ребёнка, убили и его! Все мы попали в немилость Богам!

По толпе вновь пошла рябь перешёптываний, а рыцари-стражи, стоя по бокам от Рóмана, с грехом пополам сдерживали волнение. Их руки уже чесались приструнить нахальных крестьян, сердца воинов, обливались клокочущей яростью: «Какие-то мелкие дворняги, ругали их дорогого господина, молодого Лорда Рóмана, что дал им распробовать жизнь!»

Пока шли «переговоры» с селянами, Верус начал осматривать округу с другой стороны повозки. По левую руку от него вновь начинался лес: небольшая поляна, окружающая деревню, являлась лишь небольшим клочком, освободившемся от переплетения ветвей и корней. Вокруг неё же простилалась густая чаща.

Отлично запомнив белёсую жижу на клинке новоиспеченного вдовца, охотник искал взглядом любые признаки Скверны. И будь она не ладна, нашёл! У опушки, прямо под холмом, среди деревьев стелился чёрный, склизкий дым.

– Мы помогли тебе! Выполнили долг перед Лордом и Богами, а в награду на нашу деревню напали стаи исчадий Бездны! – прокричал грязный мужик, но голос его уже не сотрясал траву и сердца, ярость незаметно уступила место обиде. – Я лично седлал новых лошадей, чтобы вы смогли скрыться. Как же так? – рука дрогнула, и остриё клинка опустилось к земле. Заметив перемены в настроении крестьян и их предводителя, Роман

уверенно шагнул вперёд, вскинув правую руку:

– Жители Бави! Те, кто уцелел! Я, как новый Лорд, обещаю вам, подлым тварям не уйти от нашего праведного возмездия! Те, кто отняли жизнь моего отца и разум братьев! Те, кто лишил вас дома и любимых! Я привёл того, кто справится с нашей общей бедой! – с этими словами прекрасный актёр, картинно обернулся, указав в направлении повозки, и как он думал Веруса. Все взгляды покорно сместились в ту сторону, крестьяне удивлённо таращились на фигуру в тёмном тряпье, что быстрым шагом спускалась с холма, совершенно не соответствуя речи Лорда.

– Что? – непроизвольно воскликнул Рóман, оборачиваясь к ратникам. Те, удивлённые не меньше его, переглянулись и пожали плечами.

– Эй, наёмник?! Куда ты, горгулья тебя дери, идёшь? Не видишь, что здесь происходит? – прошипел Роман, устремляясь вслед за ним. Полы кафтаны трепетали на ветру, выдавая костлявую фигуру молодого Лорда и округлый живот. – Да, что за бес в тебя вселился?! Ст...

– Это не конец, – негромкие слова, сорвавшиеся с губ мужчины, долетели до вершины холма, верхом на ветерке, проникнув в сознания всех собравшихся. И, если Лорд ничего не понял, продолжая зло таращиться на непослушного наёмника, то селяне все, как один, развернулись к опушке:

– Конец?

– Не может быть!

– Как же так?

– Да, кто он такой?

– Этот странный мечник ведь не о...

Протяжный вой оборвал перешёптывания, заставив всех синхронно вздрогнуть, а Воно отступить обратно к рыцарям. Вибрирующий вой распространился от леса, волнами ударяясь о полуобвалившийся частокол. Он взметал траву и пепел, леденил кровь в жилах людей и терзал их души.

– Вечная Шестёрка, защити, – еле разлепляя губы, прошептал мужчина во главе толпы. – Это ещё не всё...

Верус спокойно шагал вперёд, совершенно игнорируя спорящих. Его взгляд непрерывно следил за тенью, мечущимися среди стволов. В ушах нарастал шорох и шёпот. Правая рука привычно потянулась к поясу, откинув полу плаща: крепко обхватив рукоять кинжала, он выдернул его из ножен. Короткое лезвие отразило солнечный свет точно так же, как клинок вдовца на вершине холма. Одновременно с ней левая рука уверенно опустилась на эфес меча. И пока мечник продвигался вперёд, лезвие освободилось от оков. Тонкое обоюдоострое с выемкой посередине оно устремилось к небу.

Остановившись и широко расставив ноги, боец замер в десяти метрах от опушки. Медленно опустив поднятую руку с мечом, он отвёл в бок другую и скрестил оба клинка перед собой в низкой стойке. Спустя миг чёрный дым хлынул из-за деревьев вместе с ордой чудовищ.

– Демоны!

– Это они!

– Боги спасите нас!

Сквозь безумные крики толпы, пробился единственный голос, что разом усмирил дрожащие сердца:

– Враги, отнявшие у нас всё! Вперёд, братья! – взревел предводитель сельчан, срываясь с

места. Вслед за ним побежала и остальные: мужчины женщины, старики и дети. Все, кто мог держать оружие или мотыгу, бежали вниз с холма, крича и страшно вопя. У подножья и завязалось сражение: множество лесных старичков, выбежавших из чащи, набросились на Веруса и подоспевших ему на помощь селян. Когда первые противники уже успели обменяться ударами, рыцари-стражники напряжённо посмотрели на господина, безмолвно прося отдать приказ.

– Помогите этим глупцам, – вальяжно отмахнулся тот.

Верус легко отразил прямолинейную атаку карлика, первым подбежавшего к нему. Перехватив кинжал обратным хватом, отвёл когтистую лапу от своего лица и увернулся от другой. Полуоборот, и отрубленная смертоносным лезвием лапа упала в траву. Истошно вопя, монстр отшатнулся, но сразу же был нанизан на самодельное копьё. Какой-то темноволосый парнишка, напрягая все силы, приподнял гада над землёй, а затем сбросил извивающуюся тварь с острия под ноги её подступающим собратьям. Обменявшись взглядами с тем пареньком, Верус устремился в сторону.

Тем временем, два лесных старичка, наседали на пожилого мужчину с вилами. Ловко ускользнув от его оружия, первый карлик юркнул под руку и мгновенно вспорол когтями живот человека. Грязная рубаха окрасилась кровью. Но не успел мужчина вскрикнуть, как второй дьяволёнок заскочил ему на плечи и разорвал шею. Безголовый труп, с вывалившимися наружу внутренностями, мешком повалился на землю. Языки чёрного дыма мгновенно покрыли его, неистово пожирая.

Лезвие меча прочертило в воздухе косую линию, и карлик, сжимающий в лапах оторванную голову, поперхнулся кровью. Уродец удивлённо опустил взгляд: клинок рассёк его грудь, а в следующий миг всё вокруг залила его собственная синяя кровь вперемешку с белёсой жижей. Переступив через упавший труп, Верус увернулся от выпада второго противника, в ответ саданув того коленом в голову.

Где-то справа вскрикнула женщина, но воину было не до неё, он был скован боем. Сделав рывок за отступившим врагом, мечник нанёс сверху вниз широкий удар: лезвие с лёгкостью рассекло плоть, отделив лапу, голову и часть груди от остального тела твари.

Справа полыхнуло светом, латник-страж, вооружённый мечом и щитом, применил свой дар крови. Объятое пламенем лезвие меча рассекло ещё одного монстра, прежде чем Верус отвёл взгляд.

В пылу сражения кровь подступила к его вискам тяжёлыми ударами. Сердце рвалось из груди, разжигаемое адреналином, тело легко лавировало между людьми и тварями.

Удар! Удар! Блок и уворот! Верус яростно сражался, как учили. Выпад, полуоборот и уход с линии ответной атаки. Оценка взглядом левого фланга – там ещё один противник, он занят каким-то пацаном. Удар – кинжал врезается в хребет этой твари, обрывая нить жизни, вместе с позвонками. Толчок и кувырок от когтистой лапы, удар и взмах – кровь, кишки и крики. Безумная пляска смерти без начала и конца. Где-то в стороне закипает достойная кровь таких же, как он: рыцари теснят карликов, опаяя их огнём и ослепляя светом.

В голове вспыхивают образы прошлого... Каменные залы ордена Проснувшихся. Лица сокурсников и сокурсниц, снующие мимо. Преподаватели в красных робах и плётки. Тёмное подземелье, сырая темница и чёрствый хлеб. Золотые глаза, смотрящие прямо на него.

– Вы все избраны Богами, Вечная Шестёрка обязала вас стать вместилищем для её воли. Ваша кровь – единственная причина, вашего нахождения здесь! На вершине мира, среди равных, а не коров и сена! А теперь поднять копьё! Выпад! Выпад! Выпад!!!

Острые когти вонзились в бедро Веруса, и боль, проникнувшая в сознание, очистила его, возвращая ощущение себя в гуще битвы. Недобро оскалившись, боец оттолкнул подлую тварь, пытающуюся оторвать ему ногу. Лесной старичок взревел, попытался нанести второй удар, но его лапа уже взмыла вверх, отсеченная чуть ниже локтя. Проводив её взглядом, монстр не успел заметить, как воин развернулся на здоровой ноге, прочертив кровавый узор сквозь окруживших его врагов.

Три бестии одновременно повалились на землю, изрыгая синюю кровь на и без того влажную почву. Крики и плач медленно опускались на пышущее сознание. Тяжело дыша, охотник осмотрелся по сторонам. Битва завершилась успешно, один из ратников Лорда добил последнего гада, располосовав его как тренировочный манекен.

Чёрный дым постепенно истаивал под ногами, ускользая от взоров, просачиваясь вглубь земли, оставляя после себя лишь сырую от крови траву... Выжившие в адской мясорубке удивлённо осматривались, они были покрыты синей кровью дьяволов и красной – погибших людей. Многие обратились хладными трупами: недвижимые, изуродованные, лишённые искры жизни. Среди них оказался и вдовец, решивший повести односельчан в бой. Его тело с отгрызенной рукой и вспоротым животом оказалось совсем недалеко от Веруса. На бледном, покрытом грязью, потом и кровью лице замерла лёгкая улыбка.

– Надеюсь, ты нашёл их в царстве Богов... – прошептал наёмник, отводя взгляд от погибшего.

– Вот же дьявольщина! Сколько здесь было этих тварей? Ей, Румур, скольких ты прикончил? – громко рассмеялся латник Лорда.

– Не считал я. Дрянь, один мне чуть скальп не снял! Смотри! – повернувшись к другу, ответил второй, демонстрируя кровоточащую рану на лице. Длинный порез пересекал лоб, от чего часть кожи повисла, над бровью. Вспотевший воин с упоением прижимал её на место, грязной перчаткой и улыбался.

– Да ты и раньше красавцем не был! – хохотнул первый и повернулся, чтобы осмотреться. – Сколько народу то полегло. Ей, кто из вас, плебеев, теперь главный?!

Около пятнадцати выживших крестьян в страхе подались от него, переглядываясь. Некоторые были ранены, один и вовсе сидел на земле, баюкая окровавленную культию, перетянутую какой-то тряпкой. Его пустой взор остановился на красном пятне. И, судя по всему, Скверна добралась до сознания бедняги в час слабости. Взгляды остальных метнулись к поверженному предводителю, что вёл их в бой.

– Этот уже отвоевался, – насмешливо заметил рыцарь. – Ещё кто есть? Давайте быстрее решайте, нужно собрать здесь всех и сжечь! – не обращая внимания на испуганных крестьян, копейщик повернулся к собрату по оружию, Верусу. Смерив того долгим оценивающим прищуром, спросил: – Правильно я говорю, мясник?

– Хм? – Верус поднял голову, посмотрев на него. – Мясник?

– Да, гляди, как ты их нашинковал, брат! Я такой пляски в жизни не видел! Ножичком своим, разве что шкуры не снимал. Настоящее безумие! Кто ты, если не мясник?

– И это без дара крови, – вмешался в разговор подошедший Лорд Роман. – Соглашусь с моим рыцарем, ты гораздо сильнее, чем я думал... – пауза, – и чем говорил Антиквар. Он советовал тебя, но и словом не обмолвился, что ты способен сражаться с порождениями Скверны без магии крови. Мои ратники – умелые бойцы, и всё же они применяли в бою свой дар.

– Точно... они использовали его, – недвусмысленный взор охотника пронзил Лорда, – а

ведь ты сказал, что его у них нет.

Фигура в драном тряпье качнулась в сторону. На миг окружающим показалось, что мечник упадёт обессилив, но он лишь ухватился за край плаща и одним движением оторвал его. Опустившись на землю, парень уселся поудобнее, вытянув левую ногу и размеренно начал её ощупывать, иногда морщась от боли.

– Всего на всего третий круг, такое не стоит и упоминания, – отбрехался Роман, но видя, что его вовсе не слушают, начал злиться. – А теперь отвечай на вопрос, почему ты сам не использовал его?!

Рыцари, напряглись, готовясь к возможным проблемам. Верус же едва поморщился от крика, но всё равно продолжил осмотр раны. Определив границы повреждения, он подсунул под ногу оторванный край плаща и туго обвязал вокруг. Закончив с важным, воин повернулся к нанимателю и ответил, не выказывая и грамма почтения:

– Чтобы разобраться с такими, – едва заметный кивок в сторону ближайшего лесного старичка, – мне это не нужно.

– Как? Возомнил себя великим воителем? – прищурившись, переспросил Роман, но тут же взял себя в руки и добавил. – В любом случае, цену мы уже обговорили, и она не изменится, кем бы ты там ни был! Понял?!

– Две монеты за книгу, столько же за каждого из ваших братьев, почтенный господин. Я помню... – почему-то слова охотника прозвучали как оскорбление, однако Роман это проглотил. Слишком запоминающейся оказалась картина резни, которую этот тип устроил минуту назад. Парень же, тем временем, продолжал. – И касательно трупов, стоит прислушаться к словам вашего стража. Их кровь весьма заразна, в особенности белая липкая дрянь, иногда смешанная с ней.

– Все слышали наёмника? Уймите своё горе и приступайте к работе! Нужно стащить все трупы в кучу и сжечь. Нам только поветрий не хватало...

Крестьяне неуверенно переглянулись, но уже в следующее мгновение приступили к работе. В конце концов, даже они осознали, перед кем были в долгу. Благословенный Лорд и его наёмники спасли их от мучительной смерти. А теперь, лишившись крова и крепкого плеча поддержки большей части односельчан, погибших от лап монстров, они рискуют умереть от голода или заразы, распространившейся от гниющих тел.

Тремя часами позже ратники-стражи стояли у покосившихся столбов, что отмечали вход в разрушенную деревню. Оба глядели в одну сторону, на огромный погребальный костер, сложенный возле дороги. Заходить в лес крестьяне побоялись, поэтому типичные для таких случаев ветви и хворост, заменили остатками разбросанного вокруг поселения частокола. Сверху на толстые стволы сложили тела погибших и туши монстров, точнее то немногое, что от них осталось. Ведь, к удивлению крестьян, они почти полностью распались, оставив после себя корявые скелеты с обрывками шкур и высушенных внутренностей. Словно вместе с жизнью из тварей утекла сама причина существования в этом мире.

Вокруг горящего костра собрались все выжившие селяне, семнадцать человек. Стоя плечом к плечу, они обнимали друг друга, утешая и подбадривая. Слезы уже успели высохнуть на их щеках, оставив длинные полосы грязного пепла, из-за чего казалось, что они плачут чёрными слезами. Немного в стороне от всех разговаривали Лорд Роман и его наёмник:

– День на лошади по южной дороге? – уточнил Верус, спокойно глядя дворянину в глаза.

– Именно, – подтвердил тот, слегка кивнув, – я добрался сюда ещё быстрее, но лошадь практически издохла, стоило нам въехать в деревню.

– Да, я слышал слова того неудачника, – отмахнулся от подробностей воин. – Что важнее, я не согласен с вашим планом, вам не стоит идти вместе со мной. Если бы вы были внимательны, то уже поняли, что ваши... – он повертел слова на языке и озвучил, – ...сторожевые псы мне в подмётки не годятся. Я пойду один, не хочу отвлекаться во время сражения. Тем более, ваши братья могут подготовить ловушку специально для вас. А я не собираюсь терять монеты, господин.

– Какая наглость, назвать моих верных рыцарей псами. Кому-то давным-давно следовало приструнить твой язык, низкокровный, – вскинул одну бровь Роман.

В ответ Верус лишь тихо рассмеялся:

– Многие пытались. Но я ещё здесь и называю слабаков слабаками, кем бы они ни были от рождения.

– Ладно, мне плевать. Называй их, как тебе заблагорассудится, низкокровный. Главное для меня – это месть за отца... и книга. Помни, зачем ты идёшь туда. Понял?

– Разумеется, господин. Будьте спокойны, не позднее, чем через три дня я вернусь с двумя головами и одной книгой, а вы тем временем подготовьте награду, – косая улыбка прочертила полосу в разрезе капюшона.

Глава 7 – Польза обучения

Ретивый конь на полном скаку пронёсся мимо покосившегося указателя. Взметнувшиеся вихри пыли разошлись вдоль дороги, обдав столб мелкими комьями земли из-под копыт. Через пыльную завесу едва проглянула надпись: «Поместье Воно».

– Видел? – выкрикнул пригнувшийся к гриве своего скакуна всадник. – Мы почти на месте, даже указатель поставили. Скоро отдохнёшь.

Словно осознав смысл озвученных слов, конь громко заржал в ответ. Наездник улыбнулся, выпрямляясь в седле. Мимо них стремительно проносились коричневые стволы и кустарники, лес, наконец, отступил, позволив взгляду свободно перемещаться вдоль дороги. Местность начала меняться несколько часов назад, с каждой оставленной позади милей Верус приближался к Смеющимся вершинам, а, значит, скоро поля и леса должны смениться пологими холмами, и немного погода превратиться в настоящие скальные пики. Он уже видел их вершины далеко впереди: огромные горы, отделяющие Воргосскую Империю от южного соседа Ритоса.

Погрузившись в отстранённые размышления, всадник не заметил, как скачка замедлилась. Конь под ним начал вести себя странно, то и дело дёргал головой, фырчал, пытаясь выплюнуть уздечку, и всё сильнее замедлялся.

– Эй-эй! Что случи... – спросил было Верус, возвращаясь к действительности, как конь резко взбрыкнул, встав как вкопанный. Глухое ржание, оборвалось жутким звуком, отдалённо напоминающим стон.

– Да что с тобой? Ты... – проглотив остаток фразы, всадник натянул поводья, тем самым удерживая коня на месте, не давая сбросить себя на землю. Вынудив животное медленно отступать назад, парень втянул носом воздух, осматриваясь. Резкий запах, оборвал остатки ненужных мыслей, он прищурился, взгляд его стал острым и внимательным.

– Всё хорошо, хорошо... – погладил лошадь по шее, успокаивая. – Молодец, хороший мальчик, почуял её раньше глупого Веруса. Не бойся, я не заставлю тебя идти дальше. Хватит с тебя, да?

Ощувив, что лошадь немного успокоилась, молодой парень вынул ноги из стремян и ловко соскочил на землю, тут же взял коня под уздцы. Удерживая всё ещё рвущееся животное одной рукой, он продолжал внимательно следить за округой. Солнце зашло минут тридцать назад, хотя из Бави охотник выехал ещё засветло, однако вокруг стоял полусумрак. Невысокий холм перекрывал обзор слева, справа же простиралось широкое поле с редкими кустами и множеством цветов. Сколько бы он ни вглядывался в освещённый лишь одной луной луг, никого видно не было. Однако Верус всё равно ощущал чужое присутствие. К тому же гадкий запах усиливался с каждой секундой.

– «Указатель, промелькнул с милю назад, усадьба Лорда должна быть совсем рядом», – размышлял охотник, остановив свой взор на деревьях, виднеющихся впереди, что росли не густо. – Скорее всего, просека или остатки от вырубки. Ладно, пора... – хмыкнул он себе под нос, потянув за поводья. Лошадь смиренно пошла за ним, лишь изредка дёргая мордой и фыркая. Животные чувствительнее к наличию угрозы, что уж говорить о самой Скверне.

Отведя лошадь с дороги, воин привязал её к ближайшему дереву. Проверил крепления и неспешно стянул с её крупа два мешка. Опустив на землю, раскрыл один из них и достал хитрые ножны, мягкие и гибкие. Они состояли из множества кожаных ремней и

металлических колец. Прислушиваясь к вечерним шорохам, доносившимся из леса, воин скинул с плеч накидку, явив миру кожаный доспех.

Верус заранее подготовился к долгой поездке, узнав от Романа, что дорога займёт приблизительно день. Сняв лишнюю амуницию, упаковал её в те самые мешки, расфасовал лекарства и мази. Теперь же он возвращался в строй: продел руки в петли ножен, закрепил их вокруг груди и пояса, достал меч, тут же просунув в петлю у бедра. Следом своё место занял кинжал, прикрепленный у пояса. Узкий топорик, он подвесил чуть выше. Набор метательных ножей, пересёк грудь крестом. Небольшая деревянная колотушка заняла место у правого бока, а болас повис у левого бедра.

Закончив с подготовкой, Верус пару раз подпрыгнул, проверяя, всё ли качественно закреплено, и только после этого вскрыл второй мешок. Настала очередь поясных сумок, набитых толчёными снадобьями и парой бутылков, упакованных поглубже. Поместив сумки поверх ножен, и притянув её ремешками к доспехам, ещё раз встряхнулся. Убедившись, что снадобья и бутылки не мешают движениям, Верус нагнулся и достал из мешка последнюю вещь, крохотный ларец, не больше ладони шириной и трёх пальцев толщиной. Раскрыв его, внимательно осмотрел все десять тёмно-красных камешков, месяц назад купленных у антиквара. Внутри ларца они плотно зажимались в специальных креплениях, что не давало им соприкоснуться и удариться о стенки.

– А вот и вы, подлые дьяволята, – усмехнулся охотник и аккуратно вытащил один из них. Камень размером с ноготь, оказался тёплым. Приятное ощущение расходилось по кисти от одного лишь прикосновения к нему, внутри разгорался настоящий пожар: кровь требовала жертву.

Закрыв ларец и убрав его за пазуху, он освободил кинжал из ножен. Расслабив пальцы, позволил камню скатиться в центр ладони. Пару секунд просто рассматривал его, размышляя о чём-то своём.

– Ну, что, проклятая Богами Скверна? Поможешь Верусу не умереть?

Поднеся острое лезвие к коже, мужчина сделал короткий надрез на ладони, возле замершего камня Скверны. На месте пореза мгновенно выступила кровь, стоило ей коснуться камня, как всю руку свело судорогой. Стиснув зубы, человек сжал кулак, каждой клеткой ощущая всё более нарастающую боль. По телу прошёл спазм, дыхание на миг перехватило, сердце пропустило удар. Он зажмурился, стараясь подавить её. Но вскоре, расплылся в улыбке, за краткой болью пришёл долгий экстаз.

Горячая волна плавила нервы, расходясь от ладони к плечу, а потом вниз, к груди, и дальше по всему телу. С каждым ударом крепкого сердца, эссенция Скверны растекалась по кровеносным сосудам: камень в кулаке истаявал, омытый достойной кровью. Боль в груди, нарастающая последний месяц, резко отступила, скрылась, получив очередную жертву.

Пробудившийся распахнул глаза, мир вокруг не изменился: всё тоже поле справа, конь, нервно щиплющий траву под боком, и верхушка сторожевой башни за деревьями впереди.

– «Башня?!» – изумился Верус, приглядываясь. Да, зрение не подводило его, оно наоборот многократно улучшилось, позволив разглядеть в сумерках деревянную постройку, возвышающуюся за просекой, примеченной ранее. Сам парень не изменился, у него не отросли клыки или красивые рога. Также не было ни хвоста, ни когтей, ни прочих прелестей прокажённых тварей Бездны. Единственным заметным изменением были ярко проступившие по всему телу вены да покрасневший шрам на лице. Но они исчезли довольно быстро.

Внешне воин остался прежним, однако его чувства заметно обострились. Стоило прислушаться, и он сумел услышать тихий треск веток впереди: невидимое существо кралось к нему через просеку. Низкое тело, отгибало ветви и ломало тонкие корешки и кустарник. Теперь он отчётливо слышал его приближение.

Стоило принюхаться, и наёмник в полной мере ощутил присутствие Скверны поблизости. Как и следовало ожидать, источником заразы был тот самый зверь, крадущийся в тенях. Вот только теперь, за смесью ароматов цветов, корней и листьев, охотник ясно различил и запах самого существа: приторно-грязный, вяжущий во рту и напоминающий сельскую вонь.

– Вольха? Ну, надо же... – протянул Верус, поднимая с шеи повязку. Перспектива надыхаться испарениями Скверны ничуть не радовала.

Монстр не спешил, медленно подступал к противнику, скрываясь за стволами и низкими кустами. Он не догадывался о том, что его заметили, а парень не собирался это хоть как-то выдавать. Неспешно наклонившись, Верус подобрал с земли плащ из шкур, накинул его поверх кожаного доспеха и множества ножен с оружием. Тело не успело успокоиться после поглощения камня, кровь всё ещё бурлила в венах, толкая прямо в гущу сражения, но мальчик давно умер в его сердце, уступив место воину. Поэтому, ничуть не торопясь, он направился в сторону врага.

У него было верное тактическое решение против такого противника, но последний бой был давно. Мужчине хотелось испытать себя перед серьёзным делом. Когда охотник отошёл от коня на добрую пару десятков метров, из просеки впереди послышалось недоброе ворчание. Воин замер посреди поля, лёгкий ветерок трепал плащ и повязку на лице. Вспомнив о самом главном, Верус накинул на голову капюшон, пристёгнутый к плащу. Полностью скрыв лицо от ветра, юноша широко улыбнулся: «Он готов. Всё идеально подогнано и затянуто, оружие ждёт своего часа, а эссенция Скверны горячит кровь...»

С этими мыслями он вытянул из ножен меч, пару раз взмахнул, будто проверяя вес или баланс, и закинул на плечо. Фигура воина в лунном свете могла произвести впечатление на одинокого путника: некто в длинном рваном плаще, развевающимся на ветру, с мечом у плеча и капюшоном на голове.

Вот только в этот раз врагом был неразумный зверь, который, вряд ли, сумел оценить атмосферу момента. Вместо этого чудовище, наконец-то, показалось из подлеска: жуткая помесь кабана и дьявола Скверны. Широкое кабанье тело, испещрённое костяными наростами, некоторые из которых настолько выросли, что превратились в настоящие пики, торчащие в разные стороны. Со временем они заострялись, превращаясь в опасное оружие, пригодное как для нападения, так и для защиты.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4tj>